

УЧКУН НАЗАРОВ

НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ

*Авторизованный перевод с узбекского
С. Шевелева*

1

Дверь в купе с шумом отодвинулась. Рустам очнулся от сна, потер кулаком глаза, посмотрел со своей верхней полки вниз. Белое перышко от его подушки, крутясь, опустилось вниз, к столику, — прямо на остатки вчерашнего ужина.

В проеме двери стоял проводник, форменная фуражка сдвинута на затылок — так носят тибетейку. Улыбаясь, ждал, пока Рустам проснется.

— Подъезжаем к Ташкенту. Уже постели собираю.

Рустам мельком глянул в окно, откинул одеяло. Проводник закрыл дверь.

В купе он был сейчас один, о присутствии попутчиков напоминали приготовленные на нижней полке чемоданы, сетки с апельсинами. Из коридора доносились голоса.

Одевшись и умывшись, Рустам вернулся в купе. Постель проводник уже забрал. Чемодан его был уложен с вечера.

Глянул на себя в дверное зеркало, поправил воротник рубашки, торчавший из-под пушистого светлого джемпера, пригладил ладонью бородку — отрастил в Ленинграде, как и многие его друзья по академии, молодые художники, — и вышел в коридор.

Сосед по купе стоял возле окна. Заметив Рустама, улыбнулся:

— Много на свете красивых мест, да. А запах родной земли все же особенный.

Рустам кивнул, приблизился к опущенному окну, смотрел, наслаждался бьющим в лицо теплым ветром.

Далеко протянулись поля хлопка, в междурядьях серебряными лентами поблескивала вода, ряды посадок словно бы кружили в медленном танце, обтекая темнеющую на горизонте гряду гор. Раскидистые вяза, далеко отстающие друг от друга, напоминали могучих и молчаливых стражей земли.

Безмятежные эти поля вызвали в душе Рустама острое ощущение родины — и почему-то напомнили ему молодых невест, хранящих грусть. Рустам легко вздохнул. Невольно перед его глазами ожили набережные Невы, белые ночи — застывшие сумерки, мощные пролеты разведенных мостов, воздетые к небу, светлячки огней, цепочкой отраженные в воде, — прекрасный Ленинград, где он провел пять лет, — и это воспоминание показалось ему далеким сном, оставившим в душе тревожную пустоту.

Поезд, не уставая, отсчитывал стыки, солнце плыло, не остывая, в синеве неба, а облака, как бы играя с ним, желая задержать, налетели на него стайками... Телеграфные провода покачивались от столба к столбу, будто пряжа в старушечьих руках.

Рустам подъезжал к городу, где родился и вырос, который очень много значил в его жизни, и в душе его возникло и усиливалось ожидание чего-то важного впереди, большой цели, большой и успешной работы. Ему уже исполнилось тридцать, однако вся прошедшая жизнь — и окончание театрально-художественного института, и работа художником-декоратором в оперном театре, и, наконец, окончательный выбор профессии и поступление в Ленинградскую академию художеств — все это казалось ему сейчас лишь подступом к настоящей жизни, настоящей работе, поиском собственного предназначения.

Не вскружил ему голову даже и явно обозначившийся успех: в Ленинграде, на выставке дипломантов академии, его портрет «Мать» получил высокую оценку, в московском журнале «Художник» была помещена репродукция, а в посвященной выставке статье особо отмечался тонкий психологизм молодого художника Рустама Ниязова. Рустам теперь ясно понимал, что стоит в начале долгой и, вероятно, тернистой дороги, что возможны и трудности, и неудачи и что необходим постоянный поиск.

Над портретом Рустам работал около двух лет — осталось множество вариантов, набросков, эскизов. В каждом из предварительных набросков было воплощено что-то из будущей картины, какие-то черты существовавшего в его душе образа: то слабость и беспомощность, то светлая радость, то минута гнева, то заботливость, нежность. Рустам пытался соединить, воплотить все эти черточки в одном лице, достичь такого единства и обобщения, чтобы каждый человек, остановившийся перед портретом, увидел бы в нем и черточки собственной матери.

Работать над портретом Рустам начал после смерти матери. Тогда, два года назад, Рустам, приехав срочно из Ленинграда, уже не застал мать живой; даже на похороны опоздал: хоронили по мусульманскому обычаю быстро, а он больше суток просидел в Ленинградском аэропорту — самолеты не летали. Он не видел последних дней матери, не слышал ее последних слов, и это отложилось в его душе тоскливым чувством неисполненного долга. Он представлял, как мать, уже знающая о подступившем конце, слабеющими глазами взглядывала с ожиданием на порог, как она надеялась до последних минут — и так и не рассталась с надеждой, все ушло, ушла жизнь, а надежда была с ней до конца... Думая об этом, Рустам мучил себя до сердечных болей. Видел он и душевное одиночество отца, поседевшего после случившегося, хотя до того в свои шестьдесят отец выглядел моложе лет на десять. Старшая сестра Рустама, Азада, — врач, живет с мужем и тремя детьми в Фергане, помощи от нее особенно ждать не приходится — своих забот выше головы... хорошо, если раз в месяц приедет на день-два в Ташкент навестить отца. Потом ей надо возвращаться к своим, а отец остается один в большом пустом доме, потерянный, одинокий. Конечно, он еще не стар, многим молодым не уступит энергией и силой, но сердце уже дает себя чувствовать — приходится быть осторожным. Конечно, он известный ученый, академик, люди не оставят его без внимания — и все же, все же... Взвесив все эти соображения, Рустам сказал отцу, что не вернется в Ленинград, в академию. Отец буквально заставил его поехать продолжать учебу.

И вот поезд, словно бы раздвигая, распугивая неожиданно слабым для своей железной мощи писклявым гудком сады и дома, прокладывает себе путь уже в пригороде — за окном мелькают улицы с пережидающими хвостами машин, здания все крупнее, людей все больше. А вот и новое здание Ташкентского вокзала. Скрип тормозов — все, путь завершён, в коридоре теснятся пассажиры с поклажей.

Рустам задержался в купе, решил переждать сутолоку. Торопиться ему некуда, никто не встречает — он специально не дал телеграммы, чтобы лишний раз не беспокоить отца.

В окно купе постучали, явно желая привлечь его внимание. Рустам обернулся — увидел за стеклом смуглое тонкое лицо Ульфат, высоко взбитые волосы; улыбаясь, она что-то говорила, неслышное ему, и показывала рукой

в сторону выхода. Обрадованный Рустам подхватил чемодан и мольберт и поспешил следом за соседями по вагону.

Ульфат, прорвавшись сквозь толчею, бросилась к Рустаму, крепко обняла, на миг даже повисла на нем — он не успел освободить руки, так и стоял с чемоданом и мольбертом. Конечно, столь искренний порыв не мог не обрадовать его, но и смутил порядком; он даже, ощущая неловкость, обвел глазами толпу на перроне — не смотрят ли на них.

Рустам и Ульфат учились в одной школе, вместе ходили еще во Дворец пионеров — Рустам в кружок рисования, Ульфат в драматический, и тогда они подружились — надолго. Сейчас Ульфат была уже известной молодой актрисой, работала в академическом театре и пользовалась успехом у зрителей.

— Вчера прилетел Шавкат.— Ульфат выпустила Рустама из объятий.— Он же видел тебя в Ленинграде.

2

Такси развернулось и уехало. Рустам шагнул к дому. Узкая калитка в одной из створок широких, свободно пропускающих «Волгу» зеленых ворот была приотворена, поэтому Рустам не стал звонить, а плечом открыл ее и, с чемоданом и мольбертом в руках, шагнул во двор. Сразу за воротами под навесом стояла отцовская «Волга». Дальше, за дорожкой, за клумбами, за плодовыми деревьями и кустами роз виднелся дом — просторный, на высоком фундаменте, с широкой, во весь фасад, застекленной верандой. Дверь, выводящая к ступенькам крыльца, была распахнута, словно приглашая войти. «Как будто дом ждал меня», — с удовлетворением отметил Рустам. Остановился, не доходя, посреди дорожки — черешни и яблоня бросали на землю причудливую прозрачную тень, — еще раз огляделся. Сорвал близко висевшую крупную черешню, положил в рот. Расстегнул ворот рубашки.

Вот он и дома.

Сейчас он увидит отца. Что лучше — подняться в дом или подождать, пока отец за чем-нибудь выйдет в сад?

Но тут за спиной скрипнула калитка — Рустам обернулся.

От ворот к нему шла молодая, лет двадцати пяти, красивая женщина. Улыбнулась в нерешительности, но большие черные глаза смотрели чуточку испуганно. Рустам почувствовал себя так, словно без спросу вошел

7

в чужой дом. И в то же время любовался идущей навстречу женщиной, скорее, девушкой — невысокая, тонкая, волосы стянуты сзади и болтаются хвостиком, простое белое платье и босоножки, каблочки цокают по бетону дорожки, стройные ноги... движется пластично... в Рустаме заговорил художник.

Девушка приближалась и на ходу старалась поправить платье из тонкого шифона, однако платье под ветерком выпукло обрисовывало груди, подобно двум завернутым в кисею гранатам, и низ живота.

— Добро пожаловать! — сказала наконец девушка, в последний раз обдернув платье и покраснев от смущения. Дрогнули густые ресницы.

— Вот я и пожаловал! — не очень остроумно скаламбурил Рустам и отступил к краю дорожки, чтобы пропустить гостью. При этом он оказался рядом со своим чемоданом.

Девушка заметила вещи:

— Вы... наверное, вы от Рустамджана?

Рустам невольно рассмеялся — ошибка девушки и сама ситуация показались ему комичными, и он, продолжая и поддерживая смешное, кивнул.

— А как Рустамджан, он здоров? Почему он не приехал с вами?

— Гм... у него еще дела в Ленинграде, но он скоро будет.

— Ну что ж, заходите в дом, вы, наверное, устали с дороги, — девушка пошла к веранде, указывая ему путь.

Рустам, улыбаясь, следовал за ней. Вот-вот покажется отец, и они посмеются все вместе над забавным недоразумением.

Миновав веранду, вошли в зал. Рустам поставил свои вещи к стене, а сам пребывал в некоторой растерянности. Кто эта девушка, что она делает в их доме? И почему не показывается отец?

А девушка между тем набросила поверх сверкающего лаком стола хрустящую белую скатерть, достала из буфета вазу с конфетами, фрукты, — вела она себя не как чужой человек, а скорее как гостеприимная и опытная хозяйка, и все это, вместе взятое, чем дальше, тем больше удивляло и смущало Рустама.

— Вы знаете... гм... здесь у вас в Ташкенте жарко... вы не разрешите мне снять джемпер? — обозначив так свою зависимость, спросив разрешения, Рустам уже окончательно почувствовал себя гостем перед хозяйкой-девушкой.

— Пожалуйста, конечно... Если хотите, пройдите в ванную, умойтесь. Я сейчас включу колонку — можете и душ принять.

— Как-то неловко... — совсем смутился Рустам.

— Почему — неловко? — искренне удивилась девушка. — Вы сразу почувствуете себя лучше. Я сейчас все приготовлю... — с этими словами она скрылась за дверью в коридор.

Глядя ей вслед, Рустам подумал, что нехорошо как-то получилось — он легкомысленно выдает себя за другого человека... но если начать сейчас объясняться с девушкой, она окажется в очень неловком положении. Ладно, пусть пока все идет как пошло, — появится отец, тогда, наверное, удастся разрядить ситуацию смехом, шуткой, не обижая гостеприимную незнакомую хозяйку.

Вернулась девушка:

— Пойдемте, я покажу, где ванная. Колонку я включила, а уж с кранами вы, наверное, сами справитесь.

— Конечно... — Рустам шагнул в сторону ванной комнаты, обернулся: — Простите, а почему не видно отца Рустама?

— Он уже три дня как уехал на совещание лингвистов в Алма-Ате, — девушка говорила мягко, словно извиняясь. — А вы что-то хотели сказать ему?

— Да... Рустам просил передать кое-что.

— Ну, если это не очень большой секрет, можете оставить мне.

— В общем-то, никакого секрета нет, но Рустам просил передать обязательно самому отцу... — Он, заметно было, сам смутился от своей неловкой лжи. Однако справился с собой: — Простите, как говорится, нет вины на том, кто спрашивает. Кто вы сами будете?

— Я... — девушка запнулась.

— Рустамджан рассказывал — у него есть сестра...

Девушка опустила глаза.

— Нет... я не сестра. Я была студенткой отца Рустамджана... Сейчас он мне поручил присматривать за домом — пока его нет.

— А вы не боитесь оставаться одна в большом и пустом доме? Ночью страшновато, а?

— Да нет, я уж привыкла. Смотрю телевизор или перепечатаваю рукопись учителя. Нарботаюсь вдоволь, устану — тогда бросаюсь в постель и быстро засыпаю. Простите, я пойду принесу свежие полотенца...

Рустам понял, что девушка не хочет больше говорить

на эту тему. Он пустил воду и, пока ванна наполнялась, продолжал размышлять над неожиданным появлением в доме незнакомой девушки. Отец в письмах не упоминал о ней. Теперь Рустам был несколько растерян и соображал, как же ему держать себя с девушкой дальше.

Тут в дверь постучали, Рустам ответил, и в открывшуюся щель просунулась белая, нежных очертаний девичья рука с махровым полотенцем. Рустам взял полотенце, поблагодарил, и рука исчезла.

Когда Рустам вышел, освеженный, девушка ждала его, покачивалась в кресле на гнутых полозьях, листала журнал. В руке держала еще и вилки и ножи — видно, шла к столу, да отвлеклась.

— Прощу за стол,— пригласила.— Чтобы не заставлять вас ждать, сделала пока что яичницу.

Когда они сели — лицом друг к другу,— девушка подвинула ближе к Рустаму бутылку с коньяком:

— Я не справлюсь, откройте, пожалуйста, сами.

Рустам откупорил, налил в маленькие хрустальные рюмочки.

Девушка, стараясь, чтобы гость не чувствовал себя стесненно, первой подняла свою рюмку:

— За ваш приезд!

Рустам усмехнулся, легонько чокнулся с девушкой, та пригубила коньяк и поставила рюмку на место; глянула на Рустама смущенно, улыбнулась:

— Вы не смотрите на меня, я не пью... налила себе просто за компанию, чтобы вы чувствовали себя как дома. Угощайтесь, пожалуйста! Извините за то, что всего лишь яичница... потом я приготовлю что-нибудь поосновательнее и повкуснее.

— Что вы! — улыбнулся Рустам.— Яичница — мое любимое блюдо.

— Но слегка уже поднадоевшее, не так ли? — девушка понимающе рассмеялась.

— Нет, все же, пожалуй, сосиски надоели больше.

Они уже разговаривали непринужденно.

— Я думаю, вы соскучились по нашим национальным кушаньям. Что бы вам приготовить?

— Не беспокойтесь, мне вполне достаточно... — Рустам придвинул к себе тарелки с овощами.— Смотрите — у нас уже свежие помидоры, а в Ленинграде только-только деревья оделись в листву.

— Простите... вы тоже художник, да? (Рустам кивнул.) А из каких мест вы, где живете?

Рустам вспомнил своего однокурсника Самада — тот был родом из Катта-Кургана.

— Я с юга, из Самаркандской области.

— И тоже закончили учебу?

— Да. Вот, вернулся.

— Учитель (девушка имела в виду отца Рустама) однажды показал мне журнал — там была воспроизведена картина его сына. Учитель тогда даже прослезился. Гордился успехом Рустама. И еще, думаю, оттого, что картина эта была — портрет его покойной жены... он с ней прожил почти сорок лет.

Рустам грустно кивнул:

— Наверное, и то и другое подействовало...

— Но мне кажется, картина получилась прекрасная. Я подолгу смотрела... (Рустам взглянул внимательно: девушка говорила искренне.) А вам нравится этот портрет?

Рустам смешался — вопрос застал его врасплох.

— Мне кажется, неплохо, — наконец выдавил он.

— К сожалению, я не видела оригинала работы — только репродукцию. Вы не знаете, Рустам привезет его?

— По-моему, картину купил музей.

— Как же так? — изумилась девушка. — Ведь это же портрет его матери — разве такие вещи продают?

Опять Рустам смутился — ну что ей ответить?

— Да... Но ведь осталась репродукция...

— Что значит — репродукция с портрета матери? Ведь мать — одна-единственная, какие могут быть репродукции?!

— Но с другой стороны, подумайте и о том, что когда этот портрет будет выставлен в музее, он, может быть, заставит волноваться сердца многих людей... может быть, поможет им лучше увидеть и понять свою собственную мать и еще больше полюбить ее? Разве может быть большее счастье для художника?

— Как знать... может, вы и правы, — задумчиво проговорила девушка. — Я ведь не специалист, у меня ко всему этому очень личное отношение... Наверное, я больше вижу в этой работе портрет конкретного человека, а не картину, обращенную ко многим людям... Извините, если я что не так сказала. Давайте-ка лучше чай пить. — Она наполнила пиалу, протянула Рустаму. — А вы знаете, ведь у Рустамджана есть еще один портрет матери, более ранний. И это уж точно оригинал. Он висит в спальне. Хотите взглянуть?

— Хочу...— согласился Рустам с неожиданной для себя радостью.

— Пойдемте.— Девушка провела его в просторную спальню с занавешенным широким окном, включила люстру.

Рустам огляделся.

Он не был здесь больше года.

Вот кровати, знакомые ему с детства, где всегда спали его отец и мать,— и красивые китайские покрывала, вышитые голубыми и алыми цветами, остались те же.

— Вот посмотрите,— девушка показала на небольшой, писанный маслом портрет на стене.— Рустамджан написал его, когда приезжал на похороны. Мне кажется, это тоже хорошая работа, только очень мрачная, созданная в горе. Тут столько страдания... в общем, это совершенно самостоятельная вещь, а не вариант последующего портрета.

«А ведь она не глупа...— подумал Рустам.— И чутье, и вкус, и понимание есть, и ко всему еще скромность».

Рустам вглядывался в созданный им портрет — и видел в глазах матери упрек, и сожаление, и скорбь... все то, что он чувствовал в те дни, первые после кончины... Не выдержал, отвел взгляд, вздохнул и пошел к выходу.

Когда вернулись в зал, девушка сказала:

— Посмотрите на эту фотографию. Здесь отец и мать Рустамджана в молодости, мать как раз ждала его...

С увеличенной фотографии глядели, улыбаясь, отец и молодая и очень красивая мама,— глаза у обоих светились счастьем.

— Вы только посмотрите, как они прекрасны! — в голосе девушки звучала неподдельная искренность.— Мне кажется, Рустамджан взял для своего последнего портрета какие-то черточки с этой фотографии матери, частичку света и счастья. Ведь без этого нельзя было бы рассказать о матери правду, разве нет?

Рустам кивнул.

— Мы вместе с Адылом Ниязовичем каждую неделю бываем на ее могиле, приносим цветы...— сказала девушка с какой-то особенной ноткой в голосе, заставившей Рустама снова внимательно взглянуться в нее.— Зима в этом году была на редкость суровая, много снега. Мраморная плита накренилась... мы поправили, посадили цветы...

Рустам смотрел на девушку и с удивлением ощущал, как к привычному уже для него чувству печали неожиданно примешивается что-то вроде расположения и даже,

пожалуй, нежности, желания сделать этой милой незнакомке добро, помочь, защитить... Хотя — в чем помочь, от чего защитить? Нуждается ли она в этом?

3

Такси остановилось возле темной металлической ограды. Рустам расплатился с водителем, взял цветы и направился к воротам кладбища.

Чистая асфальтовая дорожка была полита водой, людей встречалось мало, и очень тихо было кругом — до звона в ушах. Рустам слышал толчки собственного сердца.

Каждому из нас, естественно, кажется, что родители наши будут жить всегда. Но что природе до сердца, до желаний человека? Двое, родившиеся в один день, не умрут одновременно. И особенная боль — когда уходит человек молодой, не доживший свое.

Мать Рустама, Зарифа, умерла рано — ей не было и пятидесяти. Рустам до сих пор не привык к тому, что мамы уже нет, все кажется, что вот-вот войдет — со двора, из соседней комнаты, вот-вот послышится ласковый голос.

Все было в жизни Зарифы — и трудности, и счастливые дни. Она вышла за отца Рустама совсем юной, только что окончила педучилище. Через два года родилась Азада, потом Рустам. В семью пришло, казалось, прочное счастье. Но началась война. Рустам помнил, как мама пришла неожиданно днем, забрала его с сестрой из детского садика; отец, уже наголо остриженный, крепко обнял их и ушел; мама плакала.

Жить сразу стало труднее. Но приехал дедушка и увез невестку с детьми к себе в Заркент. Зарифа стала работать учительницей в кишлачной школе. Дедушка тогда был еще крепок, он и не дал малышам и невестке хлебнуть всей тяжести военного времени: жили бедно, трудно, но не голодали.

На окраине кишлака посреди обширной лужайки пробивался из-под земли родничок, вокруг поднимались ивы. Младший брат отца, Санджар, еще подросток, после школы отправлялся с ребятами на эту лужайку — там играли в футбол, гоняли самодельный мяч, сшитый из двух старых тюбетеек и набитый шерстью. Бывало, Санджар брал с собой шестилетнего Рустама. Запускал бумажного змея, отдавал бечевку маленькому Рустаму, сидевшему на ишаке, а сам бегал за мячом. Козы, за которыми должен был

смотреть Санджар, паслись тут же. Вечером, когда стадо возвращалось, Санджар садился на ишака позади Рустама и, ударяя в бока пятками и понукая, пускал ишака вскачь. Маленький Рустам заливался смехом.

После ужина торопились стелить постели: денег на керосин не всегда хватало. Рустам помнит, как дедушка при свете полной луны поливал огород, а бабушка пекла кукурузные лепешки. Санджар готовил болтушку для коровы, а мама, уложив обоих малышей, сама устраивалась посредине и на сон рассказывала им сказку или тихонько напевала, убаюкивая.

Так и осталось у Рустама в памяти: ночь, луна — и мамин голос. Он засыпал...

Прошли годы, окончилась война. Вернулся отец, и они переехали в город. Отец работал и учился в аспирантуре, мама поступила в заочный пединститут, Рустам пошел в школу.

Не реже чем раз в месяц выбирались всей семьей в кишлак к дедушке. Рустам бежал на свою любимую лужайку — там, у родничка, он рисовал свои первые пейзажи, там ему всегда бывало хорошо и спокойно, домой он возвращался счастливым.

Он вспоминал последнюю поездку в кишлак — пять лет назад. Дедушки и бабушки давно нет. Дядя Санджар — один из руководителей района. В райцентре остановились, отец сходил за своим братом, в кишлак поехали вчетвером. Только Азады не было тогда с ними, она уже жила в Фергане.

Дядя Санджар быстро и ловко освежевал барашка. Полили и подмели двор, на веранде накрыли стол, разожгли огонь в очаге.

Рустам на машине отправился к лужайке. Вот она — привычная, тихая: родник, ивы, одинокое дерево джиды с разноцветными лоскутками на ветках. Рустам знал, что место это издавна почиталось священным, поэтому колхозники не распахивали лужайку: каждый год в праздник навруза (весеннего равноденствия) здесь собиралось много народу, резали баранов, разжигали огонь, в больших котлах готовили угощение. Потом начиналось веселье, — Рустам помнит старого певца и его кобыз.

— Что так задержался? — спросила мать, когда он вернулся.

— Лужайку навестил. А где папа?

— У дяди Зуфара на плов собрались — большой совет перед свадьбой. Их обоих увели, и отца, и дядю Санджара.

Тополя серебрились под лунной, где-то заливались лягушки, вели свою песню сверчки. Прохладный ветерок принес запах ранних дынь — хандаляшек. Радость оттого, что ему даровано видеть и слышать эту природу, этот неповторимо прекрасный, родной кусочек земли, охватила его.

— Мама,— сказал он,— я когда приезжаю сюда, словно возвращаюсь в детство. Душа очищается.

Зарифа-апа, словно маленького, погладила его по голове.

— А помните, мама, когда мы жили здесь в войну, спали на этой веранде... Вы тогда рассказывали сказку, и я засыпал. Так ведь до сих пор не знаю, чем сказка заканчивается...

Зарифа-апа помолчала, потом начала нежно, напевно:

— То ли было это, то ли не было, а жил когда-то старик, и было у старика две дочери...

Тот же родной голос, такая же лунная сказочная ночь, нескончаемый шепот тополей. Полная луна шествует среди звезд, словно наседка, окруженная цыплятами. Мягкая и ласковая рука... она согреет и защитит, она самая теплая и родная в мире...

Вот и ограда, крашенная серебристой алюминиевой краской, за ней могила матери. Рустам смахнул слезы, отворил калиточку, вошел. Положил цветы на мраморную плиту памятника, прижался лбом к холодному камню.

— Здравствуй, мама... Вот пришел к тебе твой сын...

Он долго стоял так, потом услышал невдалеке голос, читающий на арабском Коран. Невольно поглядел: на маленькой скамеечке возле одной из соседних могил сидел человек лет пятидесяти, смуглолицый, с рыжеватыми усами; прикрыв глаза, нараспев выговаривал слова молитвы. Колени, брюки внизу и даже дешевый летний халат — яхтак были выпачканы в земле, на ногах старенькие галоши — кауши. Похоже, служитель кладбища.

Рустам, присев на корточки, плечом касаясь надгробного камня, склонив голову, прислушивался к голосу незнакомца. Наконец тот завершил молитву, провел руками по лицу. Рустам повторил его движение.

Человек поднялся со скамеечки. Рустам вытер влажные глаза и, приложив руку к груди, поздоровался.

вался. Незнакомец ответил на приветствие, по обычаю, спросил о жите-бытье и направился прочь.

Рустам, вспомнив, начал торопливо рыться в карманах. Нашел пятирублевку и, не слушая возражений, вложил незнакомцу в руку. Тот произнес традиционное «аминь» и, взяв лопату, прислоненную к ограде, удалился.

Рустам вернулся к могиле матери.

Прошло около часа.

Солнце из ослепительно белого сделалось красноватым и спускалось к земле, тени пирамидальных тополей вытянулись, изломанными линиями накрыли ограды и памятники. Наконец в темнеющем небе замигали первые нетерпеливые звездочки.

На душе у Рустама как будто полегчало, перестало давить на сердце. Он поднялся и потихоньку побрел к выходу с кладбища.

Сначала он увидел в наступивших сумерках ее белое платье. Стройная, легкая, в модных туфельках, в ушах сережки по моде — два изящных тонких полумесяца. Заметив Рустама, она помахала рукой и стала спускаться по ступенькам к берегу городского канала Анхора. Остановилась возле скамейки под плакучей ивой, открыла сумочку, глянула в зеркальце.

Рустам подошел к лестнице и тоже начал спускаться, но его задержал прохожий, попросил прикурить. Бросив Ульфат извиняющийся взгляд, Рустам остановился. Девушка смотрела на прохожего нетерпеливо-раздраженно и тут же на Рустама — ласково.

— Здравствуй, русалка! — Рустам опустил рядом с ней на скамейку.

— Слава богу!.. — Ульфат соскучившимися глазами вглядывалась в Рустама. — Бывает, оказывается, такой день, когда я могу встретиться с тобой.

Рустам смутился, заставил себя улыбнуться:

— Стоит ли из-за меня поминать бога!

— А бороду зачем отпустил?

— Чтобы не узнавали некоторые. Собираюсь скрываться.

— От кого же?

— Ну, скажем, от тебя!

В одно мгновение улыбка в глазах Ульфат исчезла, спросила чуть ли не испуганно:

— Правда?..

— Да ну шучу же!

— Не понимаю я шуток на эту тему! — с огорчением

в голосе объявила Ульфат. — Сколько раз я тебе говорила!..

— Не буду, больше не буду!..

— А помнишь, — снова, оживленно улыбаясь, заговорила Ульфат, — еще когда мы ходили во Дворец пионеров, ты как-то отрезал у меня кончик одной косички, а? Тоже была шутка?

— А где они сейчас?

— Что — где? — не поняла Ульфат.

— Ну, твои косички.

— Знаешь что, — Ульфат коснулась рукой плеча Рустама. — Мы целый год не виделись — неужели нам не о чем больше говорить? Я так хотела просто посидеть рядом, посмотреть на тебя. Есть ли борода, нет ли — какое имеет значение? Главное — ты здесь, со мной. Остальное...

— Чувствую себя неловко, вот и болтаю глупости, — согласился Рустам. — Однако... Ты, оказывается, успела сделаться известной актрисой. Небось и поклонников прибавилось.

— Не жалуемся, не жалуемся, молодой человек. — Ульфат почувствовала себя привычно уверенно, заговорила игриво и кокетливо: — Каждый вечер, когда я участвую в спектакле, моя гримерная полна цветов. И сколько «Волг» ожидает меня у подъезда!

— Ожидают? А что потом? — чуть ревнуя, спросил Рустам.

— Ну конечно, — вздохнула Ульфат, — ты же считаешь, что у всех у нас, артисток, нрав известный...

— Этого я не говорил, — полушутливо возразил Рустам.

— Не говорил — так думаешь.

— Клевета! Вы меня оскорбляете, сударыня!

— Ты представляешь! — в голосе Ульфат зазвучала обида. — Как-то на вечеринке один молодой кандидат так уверенно заявил — мол, артистки только на словах могут оставаться чистыми, а на деле — совсем другое... может, говорит, только одна или две, самые уродливые... Я не сдержалась — дала ему пощечину, сама в слезы — и бегом...

— А что потом?

— Как — потом?

— Ну, кто потом отвез тебя на машине домой?

— Ах вот оно что! — Ульфат вскинула брови. — Их величество, кажется, изволят ревновать?

— Что за ерунда! — Рустам лицом и голосом изобразил безразличие.

— А вообще-то не думай, что мне так легко, — Ульфат снова вздохнула. — Кончается спектакль — и у меня сердце шемит. Я уже всем надоела в театре — прошу, чтоб проводили до дому. Даже сторож наш, завидя меня, прячется.

— А твой младший брат?

— Саттар днем работает, вечером в институте. Так что и вправду слава богу, что ты вернулся! Хоть один защитник у меня будет!

Рустам пальцами коснулся щек девушки, повернул к себе ее лицо, испытующе заглянул в глаза. В этот миг все его сомнения словно бы рассеялись, а в сердце остались любовь, доброта к ней и нежность... Он поцеловал по очереди зовущие и молящие глаза девушки, его дрожащие от волнения губы скользнули по бархатной щеке и слились с ее теплыми губами...

В канале приглушенно и таинственно всплескивали мелкие волны, дробили на части отражение фонаря с противоположного берега. Течение тянуло, пытались унести с собой эти сверкающие кусочки, а фонарь опять упрямо собирал их вместе — никак не желал двигаться с места...

4

Девушка, встретившая Рустама утром в доме его отца, сидела сейчас в удобном кресле у журнального столика. На столике лежали словари, и она выписывала в тетрадку то из одного, то из другого.

В доме и вокруг было тихо, за окном давно уже стемнело, и лишь маятник старинных часов на стене за спиной девушки отмечал уходящие минуты. Лампа под зеленым абажуром освещала журнальный столик и часть большой комнаты вокруг, в углах собралась таинственная полумгла.

Спокойствие дома нарушил звонок. Девушка вздрогнула от неожиданности, торопливо вышла во двор — открывать. У ворот замедлила шаги, опасливо спросила:

— Кто там?

— Это я, ваш гость, — послышался спокойный голос Рустама.

Девушка узнала голос, включила свет у калитки, отперла.

— Простите, так поздно приходится беспокоить вас, —

говорил Рустам, входя во двор.— Давно не виделся с друзьями, разговорились и не заметили, как пролетело время.

— Ничего...— холодновато ответила девушка, видимо задетая невниманием к себе.— Ничего, я еще занималась.

Рустам подождал, пока она заперла калитку, затем, пропустив ее вперед, пошел к дому.

— Я приготовила плов, думала, вы соскучились у себя в Ленинграде по нашей еде...— Она убрала со столика словари и тетрадь.— Специально не ложилась, ждала вас, хотела угостить.

Пока Рустам в ванной мыл руки, на столе появилось блюдо — ляган с пловом, блюдо с нарезанными помидорами и кинзой, откупоренная им утром бутылка коньяка и хрустальная рюмка.

— Садитесь, а то плов остынет,— пригласила девушка и заботливо поправила скатерть.— Сейчас я принесу чай.

Рустам взял кружочек помидора — ледяной, видно, блюдо ждало его в холодильнике. Попробовал плов.

— Почему вы ничего не едите? — спросила девушка, вернувшись с чайником и пиалой.— Угощайтесь, пожалуйста.

— Я ведь до сих пор не знаю, как вас зовут,— заметил Рустам, беря рюмку.

Девушка улыбнулась:

— Малика¹.

— Малика...— повторил Рустам, вслушиваясь в звучание слова.— Имя ваше вам подходит... Да, а готовите вы отменно. Ваше здоровье, Малика! Вы мне кажется хорошим человеком — извините, что я так прямо...

— Я тут сегодня такого натворила! — пожаловалась девушка, меняя тему разговора.

Рустам оторвался от плова, взглянул вопросительно.

— За домом здесь бассейн. Вчера приходил садовник, вычистил его. Сегодня я утром пустила туда воду, да закрутилась, забыла вовремя закрыть кран. Вода полилась через край, попала в подвал, а там старые книги, наброски и эскизы Рустамджана. Кое-что успело намокнуть. Книжки-то я высушу, а вот за эскизы боюсь — как бы не испортились. Приедет Рустамджан, боюсь, очень рассердится...

Рустам вспомнил эскизы и наброски — еще институтских времен и те, что он готовил для театральных спектаклей.

¹ Имя означает: «дочь властителя», «принцесса».

— Думаю, вам не стоит особенно беспокоиться,— уверенно сказал он девушке.— Вряд ли эти старые эскизы пригодятся еще Рустаму.

— Хорошо бы,— вздохнула Малика.— Я очень боюсь огорчить Рустамджана...

— Да откуда Рустам узнает, что это вы намочили эскизы? Ведь неизвестно даже, встретитесь ли вы с ним, будете ли здесь к его приезду. Если не ошибаюсь, вы сейчас просто на время отсутствия хозяина присматриваете за домом? Разве не так?

Малика чуть вздохнула.

— Да...— ответила едва слышно и умолкла.

Рустам неизвестно почему почувствовал себя неловко.

Тишину нарушил бой часов. Рустам машинально глянул на свои наручные — оказалось, что уже довольно поздно.

— Спасибо вам,— поблагодарил он, закончив есть и выпив пиалу зеленого чаю.— Плов у вас получился прекрасно.

Поднявшись из-за стола, девушка начала собирать посуду.

— Вы, наверное, уже устали. Я постелила вам в комнате Рустамджана, она вот за той дверью.

Рустам еще раз поблагодарил ее за заботу. Спустился во двор, выкурил сигарету. Чистое небо было усыпано яркими звездами. Полюбовавшись, Рустам вернулся в дом. Стол был уже убран, накрыт скатертью.

Малика выключила свет в столовой, улыбнулась Рустаму, пожелала ему спокойной ночи и скрылась за дверью. Щелкнул замок.

Рустам усмехнулся краешком губ. Вот он и дома.

5

Когда Малика проснулась, солнце било в комнату сквозь легкую занавеску, светлая рябь лежала на противоположной от окна стене. В комнате было прохладно, дом погружен в тишину.

Из глаз девушки еще не ушел сон, ее голая рука томно свесилась с тахты. Не меняя положения, она лениво-разнеженно подремала еще несколько минут и лишь тогда вспомнила, что в доме находится гость.

Она поднялась, привела себя в порядок, причесалась и в пушистом утреннем халате вышла в столовую.

Там было пусто.

Через окно кухни она заглянула во внутреннюю часть двора.

Возле выложенного кафелем бассейна в утренней тени сидел Рустам — джемпер забросил за спину, завязав у шеи рукава, рядом лежал открытый блокнот и поверх — фломастер, пачка сигарет и спички.

Облокотившись о подоконник, девушка долго вглядывалась в Рустама — он не почувствовал. Наконец она сказала невинно-игриво:

— Сабох-ан-нур!

Рустам оглянулся и тоже некоторое время всматривался в девушку, словно бы не узнавая. Наконец спросил:

— Что означают ваши слова?

— Арабы каждое утро приветствуют так друг друга. — Она положила подбородок на ладони, чуть склонила голову — словно звала полюбоваться собой.

— Так вы знаете арабский?

— Я же лингвист.

— А еще какие, если не секрет?

— Еще эсперанто. А вы рано проснулись.

Рустам лишь пожал плечами.

— А я тоже, — продолжала Малика, — когда остаюсь в гостях, долго не могу уснуть, сплю беспокойно.

— Да нет, спал я хорошо. Просто у меня такая привычка — обычно встаю спозаранку.

Разговор словно бы иссяк, Малика ушла хлопотать по хозяйству, готовить завтрак, а Рустам продолжал вспоминать далекие беззаботные мальчишеские годы: как он с товарищами ездил на велосипедах купаться и ловить рыбу, как играли в зарослях Чиланзара, как собирали дикie яблоки, как однажды его, маленького, провели старшие ребята — выманили у него бублик, пообещав сделать из бублика верблюда, а сами съели половину, а оставшуюся часть в форме подковы вернули — мол, вот тебе и верблюд.

Появилась Малика — в легком сарафане, босоногая, с ведром в руке. Зачерпнула воды из бассейна, принялась поливать дорожку.

— Давайте лучше я, — предложил Рустам, поднимаясь.

— Не стоит, забрызгаетесь еще, — беспечно бросила девушка. — А для меня это — ежедневная гимнастика.

— Но как же это? Я буду стоять рядом, а вы поливать двор?

— Лучше поднимите свой блокнот, а то еще забрызгаю,— не уступала Малика.

Рустам не знал, куда девать себя, неловко переминался с ноги на ногу.

— Если уж так хотите поработать,— слышался задорный голос девушки,— то вот, возьмите шланг и полейте цветы.

Пока Рустам поливал розы, Малика, уже закончив, с пустым ведром в руках, разбрызгивая лужицы на дорожке, пробежала к дому.

Рустам с удовольствием глянул ей вслед — такой молодой, здоровой, полной сил, красивой и в то же время не лишенной душевной чуткости.

Из кухни уже слышалось шипение масла на сковороде.

Рустам закончил поливать цветы, поднялся в дом. Малики там не было.

— Вот, возьмите...— вдруг слышался ее голос.

Рустам повертел головой — не мог понять, откуда донеслись слова.

Девушка весело рассмеялась.

Только теперь Рустам заметил ее. Она взобралась на черешню и оттуда протягивала ему металлическую сетку-корзинку, полную спелых темно-красных ягод.

Рустам принял корзинку, поставил на землю.

— Давайте помогу спуститься.

— Нет, нет,— решительно отказалась девушка.— Отойдите, я сама...

Рустам послушно отступил назад, а девушка бесстрашно спрыгнула на траву — подол ее сарафана вздулся как парашют.

Рустам деликатно отвернулся.

— Я погляжу, как там наш завтрак, а вы пока сполосните черешню,— девушка легко, почти не касаясь земли, пронеслась по дорожке и исчезла в доме.

Рустам, подавляя волнение, взял корзинку и подставил ее под кран,— смотреть на тугие, блестящие, темно-красные ягоды, дрожащие под сильной струей, было приятно. Потом он поднял корзинку к солнцу — застывшие на ягодах капли загорались изумрудным, рубиновым, голубым огнем, ягоды влажно, с искоркой светились, и Рустам поймал себя на мысли о похожих искорках в глубине темных глаз Малики.

— Вот,— сказал он,— готово. Куда это высыпать?

— В буфете есть ваза,— слышался голос девушки из окна кухни.

Рустам повиновался.

— Я после завтрака иду на работу, а вы располагайтесь поудобнее и отдыхайте. Купайтесь, поспите. В шкафу книги, журналы. Не будете скучать?

— Нет. Я ведь тоже должен отправиться по делам.

— Вот как? Тогда советую выбрать время и заглянуть в Дом знаний, там выставка молодых художников. Я позавчера ходила с девочками, нам понравилось.

Рустам с удовольствием пообещал посмотреть выставку, потом достал из чемодана чистую рубашку, оглядел критически.

— Малика, где бы мне погладить?

Малика появилась на пороге, в руках лук, нож; тыльной стороной ладони вытерла слезы.

— Повесьте ее на спинку стула, я сама...

После завтрака Малика включила утюг и, пока он грелся, ушла в свою комнату — привести себя в порядок перед выходом, подкраситься. Вернулась похорошевшая, постелила на стол одеяло, взяла рубашку.

— А кто вам гладил в Ленинграде?

— Никто... мы сами.— Рустам удобно устроился в шезлонге, слегка покачивался.

Малика недоверчиво улыбнулась.

— А девушек у вас в общежитии разве не было?

— Девушек почти не было.

Малика помолчала, потом спросила нерешительно:

— Художники, я слышала, часто рисуют девушек... это правда?

— Правда, конечно. А что тут такого?

— Нет, я не о том. Я хочу сказать — рисуют совсем раздетых... без платьев...

— Да, бывает и так.

— Совершенно раздетые?

— Совершенно.

— И... не стесняются они? Ведь это же...

Рустам рассмеялся.

— Слушайте, Малика. Вы ведь, наверное, ходите на пляж купаться?

— Конечно. А что?

— И вы на пляже не снимаете платья?

— Почему? Я же не хочу быть посмешищем.

— Нет, а что тут смешного? Разве это смешно — девушка в платье?

— Но ведь на пляже! В каждом месте — свои условности...

— Молодчина. Вот вы сами и ответили на свой вопрос! Не будем же мы убирать из музеев копии Венеры Милосской, «Кающейся Магдалины» Тициана, «Данаи» Рембрандта! Великие художники создавали свои произведения не для того, чтобы будить чувственность. Они возвеличивают человека — видят в нем высшее создание природы... его глаза, лицо, волосы, тело, его совершенство они воспевают ради пробуждения в каждом чувства красоты. Женская красота, переданная художником, облагораживает и очищает.— Почувствовав, что слишком уж разгорячился, Рустам замолчал. Смущенно улыбнулся, закурил.— Простите, Малика, что-то я разболтался.

Девушка хотела было возразить, но видела — ее гость говорил о столь важном для себя, что любые ее слова будут, пожалуй, неуместны. Видимо, ему уже приходилось сталкиваться с иным взглядом на искусство, спорить, отстаивать...

— Вот,— сказала она чуть спустя,— ваша рубашка готова.

— Спасибо, Малика.

— Если вернетесь поздно...— Малика порылась в сумочке.— На всякий случай возьмите ключ. Откроете сами. Постель вам я приготовлю.

6

Рустам вышел из здания Союза художников и медленно брел по аллее. Он еще никак не мог привыкнуть к тому, что город за два минувшие года так сильно изменился. У перекрестка на улице Пушкина выстроились огромные здания нежно-голубой окраски, каждое длиной метров по триста, поодаль поднялись три белоснежных, явно недавно возведенных, девятиэтажных дома. Смотреть на новостройки, украсившие город, было приятно, хотя Рустам тут же подумал: а каково в этих огромных, не защищенных листвой деревьев домах в летнюю ташкентскую жару, в сорок-то градусов? Не зря ведь много поколений людей строили тут свое жилье одноэтажным, под деревьями, рядом с арыком.

Ульфат сейчас была на репетиции, вечером она участвовала в спектакле. Рустам собирался встретиться с ней и проводить домой. А пока, пожалуй, он отправится на могилу матери — цветы там, наверное, уже увяли.

Кто-то сзади положил руку ему на плечо:

— Вот ты и попался!

Рустам обернулся.

Перед ним, улыбаясь, стоял высокий худощавый парень. Белая рубашка висела на нем как на вешалке.

— Поэт, неужто ты?! — Рустам обнял друга. — Слушай, Иззат, что так отощал? Кожа да кости, лопатки торчат, прямо торба с кукурузными початками, а не мужик! Здоров?

— Здоров, здоров! — в подтверждение поэт чувствительно шлепнул Рустама ладонью по плечу. — Я уж сомневаться начал — был ли ты на этом свете или мне приснилось? Когда приехал? Почему не доложился!

— Да я только вчера...

— Понятно. А дела как — в порядке? Учебу закончил?

— Да, теперь вернулся окончательно.

— Тогда — пошли.

— Куда это?

— Как — куда? Ко мне, конечно! Во-он туда! — Иззат показал на дальнее из трех белых девятиэтажных зданий. — Получил новую квартиру, под самой крышей. Виден весь Ташкент. Когда въезжал, лифт еще не работал — вещи целых пять дней перетаскивали.

Рустам последовал за другом.

— Как ты сам, Иззат?

— Да так...

— Я слышал, тебя вознесли до небес, твоего сборника стихов в магазине не достать, а?

— Что вознесли, может, и неплохо... Одно нехорошо: земля-то твердая, в случае чего падать больно будет.

— Кокетничаешь?

— Боже упаси! Просто я сомневаюсь; не слишком ли много похвал раздается в мой адрес. Поверь, я и десятой части не заслужил!

— Ну уж это другая крайность. Я думаю, о тебе еще будут говорить и спорить. Отец мне прислал твой сборник, по-моему, тебя не случайно хвалят в печати. И я сам тоже...

— Знаешь что, Рустам, давай оставим эту столь лестную для меня тему. Поверь, я искренне говорю — терпеть не могу славословий.

Они поднялись в лифте на девятый этаж.

— Ну вот и мои хоромы. — Иззат широко распахнул дверь. — Прощу!

Рустам вошел в темный коридорчик с низким потолком. Огляделся, хотел было снять обувь, чтоб не тащить в квартиру уличную пыль, но хозяин остановил его:

— Не разуйся, пол грязный. Воды нет...

— То есть как? Не поднимается сюда?..

— Поднимается — ночами. Когда город засыпает. Мы тогда наполняем ванны — этого нам должно хватать до следующей ночи. На все надобности — и на уборку тоже. Как-то ко мне заявился Хушияр...

— Это кто такой?

— Хушияр? Молодой поэт. Говорят, подает надежды. Ищущий. Так он... Мы сидели компанией, застолье, в картишки перекинулись, а он проскользнул в ванную, искупался и возвратился как ни в чем не бывало. Хорошо, хоть сказал...

— Ладно, ладно, ври, да знай меру! — улыбнулся Рустам.

— Не веришь? Ну ладно, идем, посмотри мои апартаменты.

Квартира состояла из трех комнат. В ближайшей Рустам увидел дешевый, канцелярского типа письменный стол с грудой книг и рукописей, много вскрытых конвертов (от читательниц — мелькнуло у Рустама). Возле стены стояла раскладушка с неубранной постелью, в углу вытянул тонкую шею дутар без струн.

— Это — кабинет твоего покорного слуги! — с наигранной гордостью объявил Иззат. — Комната обставлена в соответствии с определенной идеей, а именно: обиталище поэта должно быть бедным, лишенным всяких украшений, ничто не должно отвлекать мысли, мешать игре воображения. Ну как?

Рустам лишь головой покачал. Ничего веселого он тут не видел и не совсем понимал юмор своего друга.

Иззат продолжал в прежнем тоне:

— Было одно исключение. — Он указал на стену возле окна: — Здесь висел портрет Нефертити-ханум, вырезанный из журнала, да больно мухи засидели, пришлось выбросить в мусорный ящик. Теперь мы обратим наш поклон и просьбу к вам, и вы сотворите для нас парочку гениальных вещей.

Теперь Рустам уже поглядывал на своего друга с беспокойством — что-то тут было не так. Но необходимо было время, чтобы понять, разобраться, что происходит с Иззатом, почему тот явно выбит из колеи и столь откровенно издевается над собой. Ведь у него выходят книги, критики хвалят наперебой... Деньги, наверное, есть. Что-нибудь со здоровьем? Или — близкие?.. Хотя Иззат сразу сказал бы, если бы случилось несчастье...

В то же время непосредственность Иззата, искренне и открыто переживавшего какую-то еще неясную для Рустама неудачу, вызывали у Рустама чуть ли не зависть: сам он так не смог бы — был куда более сдержан.

Они вошли в следующую комнату, самую большую в квартире. Потертый диван, голый стол, на газете — консервы, зачерствелый хлеб, сыр, недопитая бутылка кефира. Несколько стульев — все глядят в разные стороны.

— Не сочти за неуважение к тебе, — говорил Иззат, убирая со стола, — моя домработница опять проявила нерасторопность.

Рустам вышел на балкон — и у него дух захватило от волнения. Сверху Ташкент являл собою зеленое море садов — их невозможно было охватить взглядом. Над зеленью поднимались новые высокие белые и голубые здания; протягивали к небу хоботы, словно фантастические чудовища, подъемные краны, а по небу плыли подобные пуху праздничные облака. Вся эта картина, это сочетание горделивого спокойствия и легкой грациозности волновали его сердце художника, он чувствовал душевный подъем и желание сейчас же начать работать.

Полюбовавшись еще сверху на улицу с оживленным движением, он вернулся в комнату.

Стол был уже убран и вновь накрыт. Бутылка с этикеткой, наклеенной обратной стороной, нарезанные огурцы и помидоры, сыр и две рюмки. «Сурово, — подумал Рустам и чуть улыбнулся. — Или он вправду почему-то остался без денег?»

— Хорошо, что тебе достался девятый этаж, душа небось рвется в небо, презирая земное?

Иззат поднял голову — он нарезал хлеб.

— Ты прав, душе здесь легче. Хотя вообще-то мне достался не девятый этаж, а пятый. Эта квартира — одной старушки. Вначале лифт не работал, и мне, представляешь, приходилось каждый раз поднимать эту старушку сюда — надоело до чертиков, вот я и сменился с ней. Ну, прошу за стол.

Рустам подсел к столу, вынул и положил рядом с собой блокнот и карандаш. Огляделся:

— Так эти вещи ты и перетаскивал целых пять дней?

— Ну, я и соседям помогал. Вот, например, один гарнитур Мирдияра-ака чего стоит!

— Это его поэма «Портрет»?

— Ты помнишь? — Иззат откупорил бутылку, налил и, подняв рюмку, продекламировал:

Портрет, портрет!
Отчего ты нем?..

Но, Рустам, должен тебе сказать — это стихи другого поэта, не Мирдияра, этот в основном пишет стихотворные фельетоны. Жалко беднягу. Было время — его имя прославилось в республике, видные писатели пожимали ему руку двумя руками... И что же — времена изменились, все его сторонятся: мол, отстал, неинтересен. А у него трое детей, сам человек болезненный. Конечно, печатается время от времени, да только его поделки трудно назвать стихами, что правда, то правда. И все же жалко старика. Старается, тужится...

Иззат говорил вроде бы шутя. Рустам, однако, чувствовал в словах друга горечь, усталость, веселья тут не было, и от этого Рустам ощущал смутное беспокойство.

— Ну, давай, Рустам,— за добрую встречу,— произнес Иззат, в узких его глазах светилось искреннее чувство.— Рад, что ты снова рядом.

Да, это был все тот же Иззат — искренний и открытый. Не зря у него было много друзей,— даже люди, от природы сдержанные, невольно тянулись к нему. Рустам почувствовал, что на душе у него теплеет.

Они чокнулись, закусили чем бог послал.

— Если желаешь развеяться,— говорил Иззат, с хрустом откусывая огурец,— сегодня вечером пойдем в одно место. Будет приятная компания — не прогадаешь. Рамз, Батыр. Еще, думаю,— он загадочно сощурился,— будут девушки из ТашМИ. Отведем душу, а? Батыра, я думаю, ты знаешь — известный певец. Рамз — композитор, недавно поставили его балет «Утренние голоса». Ну и... играет на гитаре, поет — любого заставит прослезиться.

Рустам, не зная, что ответить, пожал плечами.

— Там будет одна красавица по имени Фируза,— если бы ты видел, как она танцует! Ну, убедил я тебя?

— Знаешь что... Можешь убеждать меня дальше, а я пока пересяду на тот вон диван — хорошо?

Рустам взял блокнот и карандаш, приготовился работать.

— Слушай, Иззат, ты, часом, не женился?

— Если б женился, разве не позвал бы тебя на свадьбу?

— А почему?

— Не понимаю, что — почему?

— Почему не женился до сих пор? — Рустам время от времени бросал взгляд на Иззата и быстро работал карандашом. — Когда так приглашают в компанию, как ты меня, — либо хотят показать кого-то, кто особенно нравится, либо хотят уйти подальше — опять же от кого-то, кто особенно нравится. И в том и в другом случае можно сказать: бедняга созрел для того, чтобы сдать более или менее прекрасной победительнице. Не так разве?

Иззат погрустнел.

— Ты прав, дружище. Я и в самом деле собрался было жениться, да ничего не получилось... — он налил себе одному и тут же выпил.

— Как это понять — ничего не получилось? — Рустам перевернул страничку блокнота, поднял взгляд.

— Да так... Влюбился, потерял голову... — Иззат закурил. — Так читала мои стихи, с такой страстью — я сам их не узнавал. Умница. Я ей стихи посвящал, сравнивал с чистым серебристым лучом месяца... Радовался жизни — сейчас смешно вспоминать.

Рустам, слушая, не отрывал карандаша от бумаги, пытаюсь схватить и передать состояние поэта. А тот, оборвав свой рассказ, снова взялся за бутылку.

— Хватит, Иззат, полно... — Рустам дружески, но настойчиво попытался остановить приятеля.

Тот молча поднял пустую рюмку на уровень глаз, какое-то время рассматривал ее, потом тихонько, словно для себя самого, принялся читать:

В пустыне Кербелы любовь моя — мираж...

Замолчал — и в настороженно-нервной тишине лишь шуршал карандаш Рустама.

— Жаль, у моего дутара нет струн — я бы сыграл сейчас. Забавно — дутар без струн, а? Арык без воды, роза без запаха...

Рустам видел, что Иззат нервничает, и старался подладиться под него, не раздражать.

— Это легко поправимо, — желая поддержать Иззата, заметил он. — Натянешь струны — и дутар снова обретет голос.

— Если бы!..

Иззат вышел на балкон, постоял там несколько минут, совладал со своим настроением, вернулся.

— Слушай, а ты здорово схватил характер! — с искренним удивлением заметил он. — Вылитый я — и за несколько минут. Я, бывает, из-за одной строки ночь мучаюсь, а тут... И чего я не художник, а? — он улыбнулся, подмигнув другу.

— Иззат... — Рустам положил последние штрихи, критически оглядел свою работу. — А где она сейчас?

— Ты о ком?

— О той девушке.

— Дома, должно быть.

— Что же помешало тебе?..

— Страх.

Рустам оторвался от рисунка, посмотрел на Иззата:

— Не понимаю.

— Видишь ли... у них в семье был свой «поэт», — Иззат нашарил сигареты, закурил. — Вроде бы что-то писал, его не печатали, пил, родственники стыдились. Уехал — вздохнули с облегчением. Так что еще об одном поэте и слышать не хотят. В общем-то, их можно понять — сами они люди весьма почтенные. Да еще кто-то внушил им, что я — бездарь, стихи для меня — блажь. Я как-то попробовал зайти поговорить, потом еще раз... Так что ты думаешь — и на порог не пустили. Вот тебе и почтенные... В общем, тема исчерпана. Ладно, — он хлопнул Рустама по колену, — поговорим о вещах более веселых. Или — выпьем?

— Нет! — решительно запротестовал Рустам, удерживая Иззата за руку. — Полно, хватит и мне, и тебе. Ты лучше вот что скажи: кто эта девушка — где живет, работает, как ее зовут?

— Она не работает еще, студентка филфака.

— Как ее зовут?

Иззат точно не слышал вопроса, — облокотившись о спинку стула, задумчиво смотрел в окно. Потом тихонько, словно для себя самого, начал читать стихи. Мотив нескончаемой, безграничной любви и разлуки захватил Рустама. Словно немой дутар обрел вдруг струны и заговорил — так ожило для Рустама все до мельчайших черточек в облике его друга, все виделось знаком высокой духовности, добра, жизни и страдания, боли чистой и любящей души. «Я непременно напишу его портрет, — решил Рустам. — Это и будет моим ответом на его стихи. Причастностью к его страданию... да, я расскажу и об этом тоже. Все его существо сейчас — как поющая струна...» Он подумал еще: что же это за девушка, что довела его друга почти до безумия? Понимает ли она его, стоит ли?.. Кто

она — личность или безвольная кукла в родительских руках?

— Нет! — сказал вдруг Иззат и даже рукой помахал в подтверждение. — Нет, жалобы и стоны — не по мне. Ты думаешь, я из-за нее превратился в безумца?

Рустам поразился — насколько точно поэт угадал его мысли. Видимо, даже увлеченный чтением своих стихов, он не терял способности остро видеть другого человека — как сам Рустам видел его.

— Ты прости, — Иззат с решительным видом повернулся к Рустаму. — Я не нытик, не слабак. Как бы ни были глубоки корни, у меня достаточно воли, чтобы вырвать их... У меня есть в жизни в тысячу раз более важное, чем это чувство. Мои стихи — они моя любовь, моя жизнь, мои муки и счастье. Я видел — тебя удивила бедность моего дома. Зачем мне хрустальная люстра — одна моя строка светит мне куда ярче... Зачем ковры, дорогая мебель, шкафы с бараклом? Мое богатство — моя поэзия! К тому же она кормит меня — я хорошо зарабатываю. А я — кормлю свой стих...

— Погоди, погоди, — остановил приятеля Рустам. — Как это понимать? Что ты несешь? Что значит — ты кормишь свой стих?

— Стихи — это я! Моя жизнь. Я рождаю их. А у меня есть нормальные человеческие желания — и поесть, и посидеть с друзьями-приятелями, повеселиться. Мне не нужно баракло, дружище, не смотри на меня с сожалением, как некоторые.

— Я и не говорю тебе, Иззат, чтобы ты скопидомничал, — тут мы пойдем друг друга; не говорю, чтобы не встречался с друзьями. Но все хорошо в меру. Ты ведь талантливый поэт, и ты должен понимать, что принадлежишь не только себе — всем нам. Твой ум, воображение — они не должны гаснуть, и если кто-то хочет вовремя остановить тебя, уберечь от выпивки — эти люди хотят уберечь твой дар. Выпивка никому еще не приносила пользы в этом мире. Сдается мне, у тебя появились друзья-собутельники, из тех, что не прочь проехаться за чужой счет: мягко стелют, поют дифирамбы, а сами запускают руку в твой карман. Не так, а? Подумай, Иззат. И, честно, не дело жить так, как ты в этих комнатах. Недостойно тебя.

Иззат, мрачный и нахмурившийся, лишь покачал головой. Повернулся к столу, протянул руку к бутылке.

«Ну и ну, — подумал Рустам, — далеко же его завело».

Иззат подержал бутылку в руке, будто пристально разглядывая, потом вздохнул и поставил ее на стол.

— Я соскучился по твоим стихам,— сказал Рустам с ласковой осторожностью, словно боялся спугнуть что-то в друге.

Иззат молча поднялся, стал у балконной двери, оперся спиной о косяк.

Рустам взял в руки блокнот.

Минута тишины — и потекли стихи. Голос Иззата то стихал до шепота — и речь его была подобна струйке воды, пробирающейся по растрескавшемуся дну высохшего арыка, то усиливался — звенел и журчал подобно роднику, то бил волной, которая подмывает и обрушивает берег. Тут были и сердечная тихая песня, и нежность, и гимн бессмертной мудрости — стихи прославляли и возвеличивали человека, а любовь его превозносили до небес...

Рустам быстро делал наброски.

7

Когда Рустам с Иззатом вышли, обмениваясь впечатлениями о выставке в Доме ученых, на улицу, уже наступил вечер. Проезжая часть была унижена, словно бусинками, желтыми и красными огнями автомобилей — и, словно соскальзывая с нити, огоньки разбегались в разные стороны.

На выставке было о чем поспорить, но Иззату многие картины безусловно понравились, он говорил о них с радостным возбуждением.

— Никогда не устану удивляться чуду искусства! И что оно такое — это искусство живописца? Для моего ума — непостижимо! Посмотришь — ну холст, ну размазан краской... Но как, почему все это так действует на меня? Почему мое сердце в ответ начинает биться сильнее? В чем тут фокус? Особенно та картина — «Девушка у родника»... Мне, литератору-профессионалу, поэту, понадобился бы воз слов, чтобы высказать все, что я вижу в работе художника... Ей-ей, не вру: побыв рядом с этой картиной, я словно помолодел — снова стал юношей, столько всего всколыхнулось во мне! И еще я думаю — человек, которому суждено увидеть и почувствовать такое произведение высокого искусства, весь свой век не сделает низости, мерзости...

— От племени художников, так и быть, принимаю ваши восторги,— полушутя заметил Рустам,— однако не переборщил ли ты все же?

— Да ведь это правда, правда! — с тем же пылом продолжал Иззат. — Если произведение искусства не возвышает до благородства, не выкорчевывает из нутра человека жесткость и низость, к чему оно тогда, кому нужно?

— В принципе верно, но ведь не каждое полотно или книга стоят таких слов, — Рустам слегка посмеивался над горячностью друга.

— Конечно, истинных произведений искусства — считанное число... о них я и говорю, — согласился Иззат уже спокойнее. — Я, к примеру, не очень понимаю оперу... и в живописи вовсе не искушен, — глядя на картину, не способен профессионально объяснить, почему она хороша или плоха. Руководствуюсь лишь своим вкусом, внутренним чувством, отзвуком в душе... Так что не принимай мои рассуждения очень уж всерьез, ладно? Кстати, сколько сейчас времени?

Рустам глянул на часы:

— Половина девятого.

— Прекрасно! Теперь мы с тобой пойдем туда, куда я говорил.

— Уже поздновато для того, чтобы в первый раз приходиться в дом. — Рустам не хотел отказывать товарищу, оставляя его одного, но и идея отправляться куда-то в компанию не радовала его.

— Да что ты! Самое время — там сейчас вечеринка в разгаре. — Иззат внутренне уже настроился идти, дружески подтолкнул Рустама: — Не упираться!

— Ты знаешь, я все же должен подождать Ульфат. Надо встретиться с ней и проводить домой.

— Это та твоя артистка?

Рустам кивнул.

— У них же спектакль заканчивается в одиннадцать, — тоном, не допускающим возражений, заявил Иззат. — Вполне успеешь сходить со мной — ненадолго. И я из-за тебя не стану очень уж засиживаться.

Тут Рустам заколебался, а Иззат, видя его нерешительность, повел его за собой.

Вскоре они подошли к нужному им дому — остановились под освещенным балконом второго этажа.

Наверху, на балконе, спиной к улице стояли, опершись о перила, дымили сигаретами юноша и девушка, из комнаты лились звуки магнитофонной записи, на оконной занавеске, видно было, колыхались тени танцующих, им хлопали.

— Эй, шалопаи! — позвал Иззат, сложив ладони раструбом.

Молодая пара на балконе обернулась.

— Вы что, не узнаете? — Иззат темпераментно погрозил им.

— Иззат, неужто ты? — обрадованно выкрикнул смуглолицый парень с длинными волнистыми волосами.

— Вот тебе и Рамз,— шепнул Иззат Рустаму.

— Где тебя носит, поэт? А мы тут ждем! — сказал вышедший на балкон худошавый мужчина, длинными волосами и большими глазами на аскетическом лице напоминавший иконописный облик Христа.

— Это — Батыр... — шепнул Иззат.

— Я узнал... — так же шепотом ответил Рустам.

Стоявшая на балконе девушка что-то сказала, шагнула к двери в комнату — там затихла музыка, несколько человек, юноши и девушки студенческого вида, высыпали на балкон и, выстроившись у перил, загалдели, как птицы на заборе. Заметно было, что веселье у них в разгаре.

— Тихо, тихо! — широко провел по воздуху рукой высокий полноватый парень, видно, хозяин квартиры. — Эй, умолкните, не даете слово сказать! — Перегнулся через перила, чтобы лучше видеть Иззата. — Что так поздно? Мы уж давно собрались.

— Лучше поздно, чем никогда,— весело отозвался Иззат.

— Ты знаешь,— извиняющимся тоном объявил хозяин,— у нас каким-то образом дверь оказалась запертой. Мы послали Бахтияра к моей маме, он сейчас принесет ключи. А пока я вам выброшу веревку, что-то вроде аркана.

— Я думаю, нам лучше уйти,— шепотом сказал Иззату Рустам.

— Да, да, в самом деле... Познакомьтесь! — громко произнес Иззат и указал рукой на Рустама: — Мой товарищ Рустам Ниязов, художник, только что из Ленинграда — закончил академию. Прошу любить и уважать!

Стоявшие на балконе дружно захлопали. Рустам от стыда не знал, куда деваться.

— Так вы тот самый Рустам Ниязов! — обрадованно воскликнул Батыр. — Вот сюрприз! Эй, хозяин, тащи скорее веревку!

Полноватый бросился с балкона в глубь комнаты, остальные весело зашумели, наперебой предлагая разные экстравагантные способы связи с новыми гостями.

— Иззат, ты извини, но мне надо идти, я могу опоздать,— тихо, но с решительностью в голосе повторил Рустам.

— Нет, нет, друзья, не беспокойтесь, мы уходим! — Иззат благодарно приложил обе руки к груди.

— Не пойдет, не согласны!.. Прийти — и так ни с чем уйти! — слышалось с балкона.

— Стихи! — закричала одна из девушек.— Пока не услышим стихи, не отпустим вас. А если уйдете без стихов — бросимся все с балкона, грех ляжет на вашу душу!

— Вот, держи! — хозяин спустил с балкона конец веревки.

— Нет,— сказал Иззат, — подниматься мы не будем.

— Чего ж тогда пришел, раз хочешь уйти! — рассердился хозяин.

— Не обижайтесь, друзья,— сказал Иззат тоном извинения. Он явно успел оценить разницу в уровне настроения их с Рустамом и тех, что веселились сейчас на балконе.— Сделаем так. Я вам отсюда, снизу, прочитаю стихи, а потом мы пойдем.

Стоявшие на балконе девушки весело защебетали, захлопали в ладоши.

— Нет уж, погоди! — Батыр перегнулся через перила.— Все же сначала хоть как-нибудь закусите, пропустите по маленькой за компанию, а потом уж станем слушать стихи. Так, друзья?

На балконе обрадованно зашумели.

— Итак, спускаю...— Хозяин привязал к концу веревки корзину, опустил туда бутылку и две рюмки, яблоки. Вслух рассуждал: — Чего бы еще добавить?

— Ладно уж...— посоветовал Иззат.— Можешь спустить еще вот ту девушку.

— Ах, Иззат-ака, для чего я вам, совершенно не могу понять, — наивным тоном спрашивала девушка.

— На закуску, голубушка, исключительно на закуску,— продолжал игру Иззат.

Все рассмеялись.

— Как бы ты сам, поэт, не оказался в роли закуски,— предупредил хозяин.— Смотри, проснется ее муж!

Корзинка спустилась, Иззат наполнил рюмку, отдал ее Рустаму, налил и себе.

На балконе выстроилась веселая компания, все с рюмками в руках.

Иззат чокнулся с Рустамом, приветственно поднял

рюмку, на балконе обрадованно загалдели, однако пить он не стал, дождался тишины.

Через несколько минут все затаив дыхание слушали его негромкий голос, — здесь, в этом темном дворе, у балкона с разгоряченными весельем приятелями, Иззат неожиданно для всех, а может и для себя, начал читать свою известную балладу «Матери».

И стихи, их настроение и мысли победили — никто не пил, не шумел, лица посерьезнели: как будто люди получили то, чего давно ждали.

Рустам опустил голову и слушал сквозь слезы. Его цветы еще не успели увянуть на кладбище, там, где лежала теперь мать.

Иззат увлекся, чеканил строфы.

Вот он кончил, наступила минута тишины. Уловив рядом движение, Рустам оглянулся: у балкона и поодаль собрались группами мужчины и женщины, некоторые сидели на корточках. И никто не смел потревожить тишину. То, что было в словах поэта, еще присутствовало здесь, среди людей.

8

Рустам вышел к театру имени Хамзы со стороны фасада и решил подождать Ульфат здесь. Стеклопакеты двери то и дело открывались, выпуская задержавшихся зрителей и актеров, при этом створки вспыхивали каждый раз, отражая свет прожектора напротив.

Наконец ручеек людей, выходявших из театра, иссяк. Ульфат не было.

Рустам заглянул в фойе, украшенное мраморными колоннами, вернулся на улицу, — днем оживленная, а сейчас пустынная, она отдыхала от людей, дома же сделались заметнее и внушительнее.

За его спиной скрипнула дверь в фойе. Рустам обернулся — человечек в бархатной тюбетейке, с папиросой во рту, запирает театр.

Рустам решил, что Ульфат может выйти из боковой двери, и не торопясь пошел туда. Две женщины в полутьме чуть не налетели на него, он извинился и уступил им дорогу. Они оглядели его с интересом, а когда удалились на несколько шагов, до него долетело: «К Холбаевой, конечно. Она сейчас пользуется успехом». Кто такая Холбаева, Рустам не знал. Возле боковых дверей театра было пусто: но, лишь стоял «Москвич» с работающим мотором.

— Это ты, Рустам? — послышалось из машины.

Рустам подошел — узнал сидевшего за рулем Турсуна Азимова, давнего своего знакомого еще по театрально-художественному институту: Турсун занимался на актерском факультете.

Он вышел из машины навстречу Рустаму — немного полноватый симпатичный парень, вьющиеся волосы, ямочки на щеках, лицо блестит после грима, под ухом смешно прилип крохотный клочочек мягкой бумаги — вазелином снимал грим. Крепко пожал руку, расспросил о здоровье.

— Тебя и не узнать — бородой обзавелся.

— Зато ты — машиной, поздравляю.

— А, живу далеко — вот и пришлось купить. Зато давление нажил.

— Я читал — ты готовишь Улугбека?

— После Шукура Бурханова за эту роль братья небезопасно. Да еще с подготовкой трудности: нужно выучить сорок страниц текста, вжиться, а дали всего лишь семнадцать репетиций.

— Это мало?

— Для такой-то роли! И после самого Шукура Бурханова!.. Слушай, а ты что, встречаешь кого-то?

— Хотел проводить Ульфат...

— Так она, по-моему, уже ушла. Сейчас спрошу для верности у сторожа.

Турсун вошел в здание и быстро вернулся:

— Полчаса как ушла. Ну да, она ведь умирает в седьмой картине, ей не нужно ждать конца спектакля.

— А ты?

— Представляешь, только в этой постановке и остаюсь в живых, — Турсун рассмеялся, — во всех остальных спектаклях погибаю!

— Ну что ж, пользуйся тем, что сегодня тебе дарована жизнь! — Рустам протянул руку, прощаясь. — Всего лучшего!

— Тебе в какую сторону? Я подвезу.

— Спасибо, Турсунджан! Я давно не был в Ташкенте, сейчас не жарко — самое время прогуляться пешком.

9

Рустам тихонько притворил калитку, запер ее и, стараясь не шуметь, прошел по дорожке к дому, поднялся на веранду.

В большой комнате горел свет. В шезлонге, уронив голову на плечо, спала Малика, ветерок из открытого окна

шевелил прядь ее волос. Ворот платья сдвинулся, и там, где шея сливалась с плечом, темнела родинка размером с изюминку — подчеркивала белизну кожи. Рука бессильно свесилась к полу, тут же лежал упавший журнал.

Рустам постоял, посмотрел на темные пушистые ресницы, на трогательную родинку, на мерно вздымающуюся грудь девушки, почувствовал неловкость — вроде подглядывает из-за угла, — усмехнулся, покачал головой и, взяв с вешалки махровое полотенце, отправился к бассейну.

В полутьме аккуратно сложил одежду на скамеечке, чувствуя теплоту ночи, с удовольствием потянулся, разминая мускулы, и бросился в воду. Освежившись, вылез на бортик, сел, набросив на плечи полотенце, закурил.

Из головы не шел Иззат. Одиночество — это всегда плохо. А тут еще компании, выпивка. Дальше — больше, может не хватить сил совладать с собой. Сколько подающих надежды поэтов сгубило и свой талант, и себя безволием и выпивкой... Может, попробовать отыскать ту девушку? Как ее имя?.. Шахноз, кажется? Отыскать и поговорить с ней — может быть, она любит Иззата и решится пойти против воли родителей? Маловероятно, конечно, такое не принято... но попытаться стоит. Иззат явно сам себе не помощник. Нуждается в поддержке, но не подает вида... Гордый.

В этот миг, оборвав течение мыслей Рустама, у стены дома, обращенной к бассейну, вспыхнула лампочка.

Рустам оглянулся — в доме у окна стояла испуганная Малика. Узнав Рустама, явно не могла решить — радоваться или сердиться, уж очень он ее напугал.

— У меня чуть сердце не разорвалось от страха, когда услышала плеск в бассейне... Ведь и чужой мог забраться... Хорошо, что это вы оказались...

Рустам смутился:

— Простите, я был уверен, что вы крепко спите и ничего не услышите.

Малика вроде бы смягчилась, смотрела не так сердито. Потерла глаза — еще не отошла от сна.

— Ладно, хватит вам купаться, еще простудитесь.

— Ничего, я привык. И потом, здесь такое место... я отдыхаю душой. Посмотрите, какие звезды! С меня здесь все дневные заботы слетают!

Малика исчезла в доме, потом вдруг появилась рядом с бассейном:

— Вставайте! — Малика стояла возле, в руках держа-

ла свернутое одеяло. — Вставайте, я вам постелю одеяло. Если уж хотите сидеть здесь, так устройтесь поудобнее.

— Ну что вы, Малика... Зачем беспокоитесь?

— Давайте, давайте, подчиняйтесь!

Рустам, чувствуя неловкость, поднялся на ноги, Малика постелила одеяло, и он послушно опустился на него.

— Вы ведь, наверное, голодны?

— По правде говоря, да,— признался Рустам.

— Сейчас разогрею. Я быстро!

Одевшись, Рустам улегся на одеяло, смотрел на звезды. Хорошо, свободно дышалось ему в родном доме!

— Самад-ака! — позвала из дома Малика. — Идите, ужин готов!

Рустам приподнялся на локте.

— Малика, вы не обидитесь, если я позволю себе одну вольность?

— Какую вольность? — насторожилась девушка.

— Хочу вас попросить... если вас не очень затруднит, принесите еду сюда. Можно?

— Хорошо... — быстро согласилась Малика. — Там рядом с бассейном табуреточка, подвиньте ее к себе.

— Хоп! — отозвался Рустам, принес и поставил табуретку.

Малика подошла с блюдом горячих голубцов и повернулась — еще что-то хотела подать.

Рустам покачал головой:

— Вы, наверное, думаете, Малика, что за бесцеремонный парень у вас в гостях, а?

— Нет, почему же... — девушка быстро накрыла табуреточку салфеткой, поставила принесенное.

— Присаживайтесь и вы, мне одному и неловко, и скучно.

Малика присела, мечтательно поглядела на звезды. Рустам поднял голову:

— Красиво, а?

— Вы ешьте, как бы не остыло.

Рустам послушно взялся за вилку и нож.

— Самад-ака, — помолчав, обратилась к нему девушка, — почему Рустамджан занимается только портретами? Я не видела ни одного его пейзажа. А ведь как прекрасна бывает природа... Или это особенность таланта? Или, может, он не чувствует, или не увлекается тем красивым, что вокруг нас?

— Нет, почему же. Вы не совсем правильно ставите вопрос. Тогда почему прозаик пишет рассказы, а не стихи?

Однако все это — и стихи, и проза, и портретная, и пейзажная живопись — все это — искусство, равноправные виды художественного творчества. Цель при этом одна, а способы ее достижения — разные. Один лучше выскажет свое наболеее в стихах, другой — в прозе... Было бы что сказать. То же и в живописи. Мне, например, ближе искусство портрета. Разве есть на свете что-нибудь прекраснее, совершеннее — и сложнее — лица человека? В одних только глазах — целый мир мыслей и чувств. И если уметь увидеть, распознать, а потом рассказать об этом людям...

— Вчера я начала говорить о художниках — вы так горячо возражали мне. А у меня была причина спрашивать. В наш институт захаживал один художник, не хочу называть его имени, но он тоже в основном работает над портретами. И неплохой художник, так все говорят. Он не давал мне покоя, каждый раз, встретив, начинал убеждать, что должен написать мой портрет. Наконец я не выдержала, согласилась прийти к нему в мастерскую. Он набросал эскиз, забраковал, набросал еще... Потом стал говорить, что свет неправильно падает, повернул мою голову в одну сторону, в другую... Кончилось тем, что я терпела, терпела, а потом дала ему пощечину и убежала из мастерской.

— За что? — недоуменно спросил Рустам.

— Чтобы рукам воли не давал...

Рустам закурил.

Малика, видно, озябла, сидела, обняв себя руками за плечи. Рустам, увидев, набросил ей на плечи пушистое полотенце.

— Самад-ака...

— Да?

— Вы... — девушка запнулась, не решаясь продолжать.

— Ну так что? — подбодрил Рустам.

— Вы... когда-нибудь любили? — решила наконец девушка.

— Ну кто же не любил? Конечно, и я... — Рустам затаился и постарался рукой отогнать дым от Малики.

— А кого?

— В основном своих учительниц в школе.

Девушка прыснула.

— Разве в учительниц влюбляются?

— Не знаю, как другие, а я — да. Когда они выходили замуж, проливал слезы.

— А потом?

— Потом... Я полюбил одну девушку. На хлопке, мы

оба были студентами. Она была прелестна. Бедная, не смогла сдать первую же сессию, и ее отчислили. А я по настоянию отца поступил тогда в политехнический. Хоть я и сдал успешно сессию, узнав, что она уезжает, подал заявление и ушел из института. Не вернулся домой, отправился прямо в Маргилан...

И печалюсь, и посмеиваясь над собой, Рустам рассказал Малике, как он добрался до Маргилана, как безуспешно искал несколько дней свою Хасият, как, оставшись без крова, ночевал на скамейке в саду, как нанялся к чайханщику и таскал воду, потом работал в бане, затем наконец напал на след девушки и поспешил к ней, а явившись, оказался на ее свадьбе... Он чуть с ума не сошел тогда. Теперь же прошлое казалось ему вязким и тяжелым сном.

Малика слушала, чуть склонив голову к плечу, точно ребенок, в глазах мерцали звездочки. Рустам чувствовал тепло близко сидевшей девушки и готов был сидеть так и разговаривать хоть до рассвета.

Утром Рустам проснулся в своей комнате оттого, что где-то неподалеку играли на пианино. «Баркарола» Чайковского — узнал он. Играла, конечно, Малика. Рустам слушал с наслаждением — Малика, видно, всю себя вкладывала в музыку.

Наконец игра оборвалась, опустилась удивительная тишина — гармония музыки словно еще сохранялась в ней.

Минут через двадцать в его дверь постучали. Рустам натянул на себя простыню и разрешил:

— Входите!

Дверь отворилась, показалась Малика, — по одежде и косметике видно было, что уходит на работу.

— Сабох-ан-нур! — приветствовал ее Рустам.

Девушка рассмеялась.

— Не спите?

— Слушал вашу игру...

— Вы любите классику?

— Ту, которую понимаю. Чайковского — да. — Рустам протянул руку, взял со стула сигареты.

Девушка невольно бросила взгляд на широкие, крепкие плечи и мускулистые руки парня. В душе у нее происходило что-то непонятное. Она испугалась этого. Смутилась.

— Так вы мастер не только за плитой, — почувствовав

возникшее напряжение, весело заговорил Рустам. — Есть ли хоть какое-нибудь дело, которое вы не умеете делать?

Он даже не подозревал, что шутливым своим вопросом затронул в душе Малики самые сокровенные струны.

Девушка грустно улыбнулась в ответ:

— Есть, конечно, как же не быть... Я сейчас уйду на работу, ваш завтрак на столе. Если вечером уйдете куда-нибудь, не задерживайтесь очень поздно.

— Почему? — испытывая, спросил Рустам.

Малика ответила не сразу:

— Будете рассказывать дальше о ваших лирических похождениях... — и скрылась за дверью.

10

Рустам стоял на ступеньках, ведущих ко входу в здание факультета, и все никак не мог решить, с чего начать предстоящий разговор. На сердце у него было беспокойно.

Минут через десять из здания выбежала стройная, легконогая девушка в желтом атласном платье, совсем молоденькая и очень красивая, с портфельчиком в руках. Рустам как художник не мог не залюбоваться черными стрелами бровей, нежными веками, густыми ресницами — во всем облике было что-то детское, очень чистое. Остановилась, подошла, испытующе оглядела Рустама.

— Это вы меня вызывали? — она смущенно поправила сбившееся платье.

— Вы — Шахноз?

— Да... — на щеки девушки набежал легкий румянец, она явно стеснялась незнакомца.

— Мне нужно поговорить с вами, Шахноз, — уверенным тоном, словно взрослый ребенку, объявил Рустам.

— Со мной? — девушка удивилась, явно не обрадовалась, спросила, натянуто улыбаясь: — О чем же?

— Об Иззате, — откровенно объяснил Рустам, внимательно глянул девушке в лицо — как она примет его слова?

Шахноз смотрела на него так же ясно, виду не показала, что взволнована, лишь перестала улыбаться.

— Простите... я вас не знаю... Кто вы?

— Зовут меня Рустам. Я друг Иззата.

Они шли по аллее и молчали.

— Сестрица моя, Шахноз, — заговорил наконец Рустам, — вы мне кажетесь вполне разумной и взрослой. Для чего так мучаете Иззата?

— Это почему же я его мучаю?

— Да уж куда больше, вы только посмотрите на него — в щепку превратился, бедняга.

— А он сам разве мало девушек превратил в щепку?

— Вижу, сестрица, не свои слова говорите, чужие.

— Это у него временное, проходящее, поверьте, — продолжала девушка. — Увидите, пройдет полгода, а то и меньше, он влюбится в другую, а обо мне сочинит стихи — и забудет. Он сам говорил, что поэт постоянно должен быть влюблен в красавицу, иначе иссякнет вдохновение.

Девушка отвернулась, маленьким платочком вытерла глаза. Это окончательно убедило Рустама — без сомнения, она любит его друга.

— Извините меня, пожалуйста, Шахноз, что я позволяю себе вмешиваться... Но ведь вы же явно говорите не свои слова, стараясь убедить себя, заглушить то, что у вас в душе. Ну хорошо, допустим, у вас хватит воли побороть свое чувство. Но зачем? Останется-то на его месте пустота... рана останется в душе, обида и боль.

— Ну что вы, — беспечным тоном возразила Шахноз. — Сколько девушек вроде меня, расставшихся с... другом. Ничего, живут себе поживают.

— Знаете, Шахноз, если вы хотите показаться мне беспечной и веселой — ваше дело. Но ведь есть другой человек, — неужели вы не думаете о том, каково ему придется? Неужели вы, два взрослых, любящих друг друга человека, не можете договориться и устроить свою судьбу? Ведь наверняка можно найти решение... В наше-то время кто вам всерьез может помешать? Обидно за вас обоих, досада берет.

— Ну что, что же вы мне предлагаете? — не выдержав, в сердцах заговорила Шахноз. — Что тут можно поделаться? Я сама дважды пыталась все поправить... устроить... и ничего не сдвинулось! Он все время говорит о чем-нибудь постороннем, увертывается, сетует на судьбу. Что прикажете мне делать в ответ? Может быть, вешаться ему на шею? Уж не говорю о гордости, но ведь и стыд есть...

Рустам невольно рассмеялся — да, все очень похоже на Иззата, Шахноз точно передала.

— Но ведь он, насколько я знаю, несколько раз приходил к вам домой?

— Да, приходил... и каждый раз приходил нетрезвым, — сказала Шахноз обиженно и сердито, с горечью. — У отца плохо с сердцем из-за него было.

— Но ведь сейчас он бросил пить, насколько я знаю. Ну, почти бросил...

— Вот именно — почти! — с горечью ответила Шахноз. — Недавно он приходил — и опять выпивши.

— Вы знаете, — пошел в наступление Рустам, — это он с горя, поверьте мне! И вы можете повернуть его на правильную дорогу, Шахноз. Без вас ему ничего не стоит оступиться. Я вам прямо говорю: если это случится, вините себя!

— Но ведь у него дружки, компания. Он под их влиянием, кажется...

— И об этом я позабочусь.

— Мне теперь все равно... — опустив голову, тихо сказала девушка.

Наступила неловкая тишина — разговор вроде бы иссяк.

— А если я приду, поговорю с вашим отцом? — неожиданно для себя предложил Рустам.

Шахноз покачала головой:

— Бесполезно. Меня уже сосватали, отдают за другого...

Рустам даже остановился, пораженный словами девушки.

— И вы молчите?! Не способны возразить?! Вы что — дитя малое? Что значит — отдают? Современная девушка, студентка...

Шахноз с ненавистью посмотрела на Рустама — неожиданно из глаз ее полились слезы. Она пыталась что-то сказать, но рыдания душили ее, она лишь смотрела на Рустама, теперь уже только укоряюще, и вдруг резко повернулась, побежала прочь.

Рустам опешил, в смятении так и остался стоять на месте. Непонятно почему, но почувствовал он себя так, будто совершил нечто постыдное, нечистое.

Как же ему теперь быть? Разговор с отцом Шахноз был неминуем.

Он остановил такси и назвал адрес.

Машина въехала на тихую улочку с участками и заборами и остановилась перед воротами с нужным Рустаму номером. За ними виднелся аккуратный беленый дом с мезонином и балконом, опиравшимся на украшенные орнаментом колонны. Окна были занавешены портьерами.

Рустам расплатился с шофером и нашел кнопку звонка на столбе ворот.

Отворилась вделанная в ворота калиточка, показался

пожилой человек, без бороды, но с белоснежными усами — на вид ему было под шестьдесят. На голове — бархатная тюбетейка, одет в белую рубашку и полотняные брюки. Смуглолицый, загорелый — видно, любит бывать на воздухе. Взгляд внимательный.

Рустам вежливо поздоровался, хозяин столь же вежливо ответил и улыбнулся даже — с вопросом в глазах.

— Простите меня, но я к вам с просьбой... — с чувством неловкости начал Рустам и запнулся, но хозяин не стал ждать объяснений:

— И очень хорошо сделали, милости прошу в дом, — однако сам не двинулся с места и глаза смотрели выжидающе.

Рустам замялся, переступил с ноги на ногу.

— Видите ли, это такой разговор... Я хотел бы наедине...

— Так, так... — проговорил хозяин и чуть подвинулся в сторону.

Рустам понял это как приглашение войти и шагнул в калитку.

Хозяин проводил его к деревянному помосту под навесом из виноградной лозы, убрал с постеленного одеяла газету и старую книгу с пожелтевшими страницами, пригласил:

— Прошу, устраивайтесь.

Они присели, хозяин прочитал молитву, затем обратился к женщине, сидевшей у входа на веранду и стегавшей шелковое одеяло:

— Чаю.

Посмотрел на Рустама.

— Как ваши дела, сынок? Как ваши домашние, как в семье, как дети?

— Спасибо, уважаемый, хорошо.

— Пусть господь будет щедрым! — Хозяин раскрыл скатерть-дастархан на маленьком столике, хантахте, и разломил лепешки. — Прошу угощаться, сын мой.

Рустам взял кусок лепешки, откусил немножко.

— Говорят, нет вины на том, кто спрашивает, сын мой. Чей вы будете?

— Мое имя вам, думаю, ничего не скажет. Я сын ученого-языковеда Ниязова, зовут меня Рустам.

— Я, кажется, слышал, сынок, как будто слышал... — хозяин ласково улыбнулся. — Значит, сын такого уважаемого человека пришел к нам с просьбой. Можно нам узнать, что это за просьба?

Рустам даже несколько растерялся от столь неожиданно любезного обхождения, и собственные слова теперь казались ему не в пример грубыми.

— Говорят, посла не убивают,— попытался он подладиться к стилю хозяина.

— Хвала, сынок, хвала.

Из дома вышла хозяйка, принесла чайник с чаем и две узорчатые пиалы.

Рустам поднялся и поздоровался, женщина ответила на приветствие и тут же удалилась.

Хозяин разлил чай по пиалам, Рустам отхлебнул из своей и поставил ее на стол. Отец Шахноз терпеливо ждал, когда он заговорит и расскажет о своей просьбе.

— Я пришел ради добра... Во всяком случае, я думаю, что дело это — доброе,— начал наконец Рустам.

— Отлично, сынок.

— Вы, возможно, знаете о молодом поэте по имени Иззат,— Рустам старался говорить осторожно.— Он способный поэт и с будущим. Я его товарищ...

— Прекрасно, сын мой, прекрасно.

— Как я слышал, у вас есть дочь по имени Шахноз.

— Есть, есть дочка.

— И, кажется, этот поэт, мой друг, увидев вашу дочь, полюбил ее.

— Вай-вай-вай! Утонченная душа способного поэта полюбила нашу дочь. Очень неожиданно! Поистине мир полон загадок. Хорошо бы наша девочка оказалась достойной его!

«Ну ловкач! — Рустам не мог не отдать должного изворотливости хозяина.— Вот про таких, верно, и сказано: лижет змеиный жир!»

— Позвольте ли нам прислать сватов? Я в этом деле — посол моего друга.

— Сын мой, в комнате, где живет девушка, двери всегда открыты,— отец Шахноз, полуприкрыв глаза, поглаживал себя по колену.— Что ж, пусть влюбленный посылает сватов. Если творцу угодно соединить их судьбы, стало быть, так суждено, а значит, и неудивительно.

— Мой друг — благородный человек. В будущем он, без сомнения, станет известным поэтом. И вы не сделаете ошибки, согласившись...

— Пусть еще выше будут его чины и должность!

— Вы и сами хорошо знаете, уважаемый, что поэты — люди тонкой, чувствительной души. Если они теряют то,

к чему привязались сердцем, это не к добру, они могут погубить себя...

— Сохрани аллах!

— ...Поэтому, если бы вы ответили более определенно, я бы передал ваши слова своему товарищу, успокоил бы его...— Рустам замолчал и с нетерпением ждал — выскажется хозяин дома откровенно или нет.

— Что же я могу сказать, сын мой,— все так же подчеркнуто вежливо и мягко заговорил отец Шахноз.— В наши теперешние дни приходится считаться с требованиями времени. Вы ведь и сами знаете — сегодняшняя молодежь не всегда следует воле и советам старших. Мы со своей стороны попробуем подготовить нашу дочь, сказать ей обо всем, и если она примет ваши слова во внимание, тогда что ж, пожалуйста, милости просим! А уж коли отклонит — не обессудьте, принуждать ее мы не можем. Дочь наша уже не ребенок, мы предоставили ей право самой решать свою судьбу. Как говорит народ: которой быть женой моего сына, той и быть моей снохой. Эта поговорка, по нашему мнению, верна и в данном случае.

— Быть может, я ослышался или неправильно понял вас,— заговорил Рустам, пытаюсь все же нащупать и понять истинные намерения отца Шахноз,— но, по слухам, вы будто бы уже решили отказать моему другу, не доверяя ему, его постоянству.

— Упаси нас аллах от такого, сын мой,— заговорил хозяин дома тоном искренним и сердечным.— Эти тревожные, темные времена, слава аллаху, миновали! Неужели же сейчас кому-то в голову придет подозревать нас?.. Вы не верьте этому, сын мой. Если наша дочка скажет нам, что выбрала этого парня,— наш долг устроить ее свадьбу и повеселиться там. И чем раньше наша дочь обретет семью, счастливо устроит свою жизнь, тем лучше, желаннее для нас. У меня нет иных слов или мыслей, которые бы я скрывал от вас.

— В таком случае, уважаемый,— пошел до конца Рустам,— как же понимать то, что вы сговорили вашу дочь за другого человека?

— В этих словах нет правды!— возразил отец Шахноз, однако в голосе его почувствовалось беспокойство.— Какой-то смутьян, видно, передал вам эту ложь. Если бы мы сговорили нашу дочку, разве сидели бы и беседовали столько времени с вами? Какая нам польза что-то скрывать — правда ведь все равно выйдет наружу. Но, я думаю, не было бы нашей вины, если б и сговорили. Уж если

на то пошло, это наше семейное дело. Разве не так? Или я сказал что-нибудь недозволенное?

11

Дверь в квартиру Иззата была распахнута настежь, в комнате, куда прошел Рустам, — пусто.

Правда, на столе лежали яблоко, газета, стояла полная пепельница.

Зная характер Иззата, Рустам вполне мог предположить, что тот ушел, забыв запереть дверь. «Как дервиш», — усмехнулся Рустам, однако все же громко окликнул:

— Есть кто-нибудь дома?

Молчание.

Тогда Рустам шагнул к балкону, чтобы выглянуть на улицу, но смешок за спиной заставил его обернуться. У входа в комнату в коридоре стоял Иззат — в трусах, руки в мыльной пене.

— Ну, что кричишь? Потерял хозяина?

— Так ты дома? — Рустам даже растерялся.

— Представь себе — моя домработница не так выстирала белье, я вынужден лично переделывать. Так что, если не побрезгуешь, следуй за мной в ванную, там и поговорим. Я скоро закончу.

Не удержавшись от улыбки, Рустам последовал за хозяином.

Иззат занялся стиркой. Спросил, не оборачиваясь:

— Ну как? Что нового в мире? Как дела?

— Дела неважные. Ее сговорили.

— Ее? Кого это?

— Ее.

— Ах, вот как! Интересно, позовут ли меня на свадьбу?

— Ну что ты выламываешься! — рассердился Рустам.

Иззат стряхнул с рук пену. Посмотрел на Рустама с такой слепой ненавистью, что Рустам отвел взгляд. Однако голос был ровен — сумел сдержать себя:

— И кому же улыбнулось счастье?

— Не спрашивал.

— Откуда же узнал?..

— Ходил к ним в дом.

— В дом жениха?!

— Ты что? — опешил Рустам. — Что я там потерял?

— Ну, может, ходил поздравить... — внешне Иззат был спокоен, но Рустам видел, как у него на шее вздулись жилы.

— Знаешь, я тебе сейчас врежу, может, мозги у тебя станут на место! — Рустам и злился, и переживал за друга.

Иззат выпрямился во весь свой невысокий рост.

— Вот если б ты так и сделал, я бы поверил, что ты настоящий друг, — сказал он серьезно.

Сердце у Рустама защемило, но он стоял на своем — резко бросил:

— В первый раз вижу в жизни такого беспомощного мямлю!

Нищий смиренно ждал с протянутой рукой.

Кто-то положил камень в эту руку.

На пути любви кто из нас нищий — я или ты, чернобровая, — Не знаю...

продекламировал Иззат.

— Иззат, с тобой сейчас невозможно разговаривать всерьез. Ведь ты же ее любишь! У тебя же сердце изболело по ней! И она любит тебя, я уверен в этом! Сейчас, именно сейчас необходимы решительные действия! А ты, последний шалопай, читаешь мне театральные монологи!

— И что же я, по-твоему, должен сделать? Что именно?

— Откуда мне знать! Иди к ней... умоляй, укради, наконец... увези куда-нибудь! Пусть ее родители останутся с носом! Потом привыкнут и простят. Ты даже не представляешь, в какой обстановке она живет! Предприми что-нибудь решительное. Ведь она зачахнет, погибнет без тебя! Неужели совесть твоя не подсказывает тебе? Ведь ты же поэт, как можешь не понимать?!

— Вот потому-то я и не могу ничего делать силой, — сдержанно заявил Иззат. — Я признаю только любовь по свободному выбору.

У Рустама от ярости и злости челюсти свело, ничего не мог сказать. Да он, собственно, и сказал уже все, что хотел.

— Ну и поделом тебе! Заслужил — и получай! — наконец выкрикнул он, с шумом захлопнул дверь и бегом пустился вниз по лестнице.

12

— Алло, можно Ульфат? — попросил Рустам.

— Я слушаю.

— Здравствуй... Что-то не узнаю сегодня твоего голоса.

— Ничего удивительного. То-то я замечаю, в последнее время у тебя глаза не видят, уши не слышат, мыслями витаешь где-то далеко... Как уж тут узнать мой голос!

49

— Что ты имеешь в виду? — сухоато спросил Рустам: ему были неприятны слова Ульфат, потому что они были справедливы.

— Почему ты вчера пообещал, а не пришел в театр? — проигнорировав его слабую попытку защититься, сразу перешла к делу Ульфат.

— Я приходил, но ты, оказывается, уже ушла.

— Да, мне передавал Турсун, что ты появился после одиннадцати.

— Прости, случилось одно дело, задержало.

Ульфат только вздохнула в ответ.

— Чем ты сейчас занимаешься? — помолчав, спросил Рустам.

— Разучиваю роль.

— Ты сегодня выступаешь?

— Нет, сегодня играет Холбаева.

— Тогда, может быть, ты приедешь?

— Откуда ты звонишь?

— Из будки перед стадионом «Пахтакор». Буду ждать тебя в сквере Гагарина, хорошо?

— Ладно, сейчас приеду.

Рустам вышел из духоты будки, жадно вдохнул свежий вечерний воздух.

Лучи солнца уже багровели, среди деревьев сгущались тени, налетал ветерок, шелестел листьями.

Рустам устроился на скамейке на берегу Анхора, вытянул ноги, откинул голову на спинку скамейки, устало закрыл глаза; бородака его, подобно шерстяной варежке, смешно торчала вверх.

Мимо скамейки степенно проследовала полная молодая женщина об руку с тощим парнем. Оба с подозрением оглядели Рустама.

— Уже готов, нализался, — предположила полненькая, недовольно сморщив нос. — Нет чтобы знать свою меру — ну там сто или двести...

Парень согласно кивал.

Рустам смолчал, даже глаз не открыл. Мысли его были заняты Иззатом. Он и жалел своего друга, и злился на его нерешительность и непотворение. Может, попробовать еще раз поговорить с Шахноз, постараться переубедить ее? Но нет, вряд ли она поддастся на уговоры. Конечно, она под сильным влиянием отца, дома отравляют ее сознание. Да, отец ее — прожженный, выдавший виды плут — способен заморочить голову...

Так думал Рустам, а меж тем перед глазами его воз-

никла знакомая зеленая лужайка с родником, на корне ивы сидит Малика. Лицо бледное, ресницы и брови кажутся иссиня-черными. Ветер тербит волосы, пряди свешиваются, закрывают лицо.

Рустам в белой кепочке стоит напротив, быстрыми штрихами набрасывает ее портрет. На бумаге постепенно проступает Малика, она улыбается, на ней тонкое белое платье, ветер раздувает подол...

Нос Рустама ущемили мягкие пальцы Ульфат. Он все не открывал глаза.

— Спокойной ночи! — Ульфат, рассмеявшись, присела рядом на скамейку.

Рустам помотал головой, просыпаясь.

— Ничего не скажешь — красиво устроился! — насмешничала Ульфат. — Небось и меня позвал затем только, чтоб полюбоваться.

Рустам тяжело вздохнул, обнял ее за шею, положил голову ей на плечо.

Ульфат замерла от прилива нежности, потом стала тихонько гладить волосы Рустама, поцеловала его в висок.

— Что-нибудь не так? Мне показалось, у тебя настроение неважное.

— Если б ты меня сейчас хорошенько отколошматила, я бы очень был рад.

— Надоело жить?

Рустам кивнул:

— Ага.

— Знаешь что, пойдем в театр. — Девушка положила ладонь ему на лоб. — Сегодня идет «Царь Эдип». Получишь большое удовольствие. Шукур-ака играет.

Рустам покачал головой:

— Шукур Бурханов — это, конечно, прекрасно, но я приду, когда будешь играть ты. И приду с цветами. — Рустам уже окончательно проснулся, сел на скамейке прямо.

— Сегодня очередь Мунис, она играет.

— Кто это — Мунис?

— Да это же Холбаева! Неужто не слышал?

— Что, хорошая актриса? — равнодушно поинтересовался Рустам.

— Конечно, хорошая! Очень способная. И красивая. Только...

— Что «только»?

— Снялась в кино, получила какие-то призы и стала задаваться. Окружающих будто не замечает.

— А ты? — спросил Рустам как бы рассеянно.

— Я — задаюсь?

— Да нет. Ты-то не снимаешься в кино?

— Нет, — простодушно отозвалась Ульфат. — Меня часто зовут на пробные съемки, а потом извиняются и говорят, что у меня лицо продолговатое, и берут на роль каких-то девушек-студенток, которые не соприкасались со сценой и об игре не имеют никакого представления.

Рустам почувствовал в словах Ульфат нотки зависти и улыбнулся.

— Потом мне все это надоело, и я вообще перестала туда ходить, — продолжала Ульфат. — Недавно меня приглашали на роль Кумуш в «Минувших днях», но я не согласилась.

— И хорошо сделала.

— Почему?!

— Так ведь все равно бы тебя не взяли, — делая равнодушное лицо, вроде бы беспечно обронил Рустам.

— Кто знает, кто знает... — Ульфат не поняла, что ее подначивают, и теперь старательно скрывала обиду. — Вообще для актеров кино — дело нестоящее, несерьезное. Слишком много всяких аппаратов, вместо партнера реплики произносит режиссер, а ты должна разговаривать с микрофоном. Разве тут есть место для творчества? Когда сто человек стоят у аппаратов и глазуют на тебя?..

— А в театре как же?

— Что — в театре? Я не поняла твой вопрос, — чуть нервничая, переспросила Ульфат.

— В театре разве на тебя не глазуют? Там ведь зрители не спиной к сцене сидят?

— Ну что это такое! — рассердилась Ульфат. — С тобой нельзя разговаривать. Ты что, сегодня с левой ноги встал?

Рустам чуть улыбнулся и виновато склонил голову.

Малика поставила мясной соус для плова на маленький огонь, и он там потихоньку побулькивал, а сама полила двор, подмела, срезала розы и поставила их в вазе на стол, на белую праздничную скатерть, легко коснулась ладонями бутонов, потом поднесла их к лицу — уловила тонкий аромат.

Тихонько напевая, еще раз вытерла пол в прихожей, огляделась — все ли в порядке? — и отправилась в ванную. Затем надела свое любимое белое платье, очень ей шедшее, и уселась перед зеркалом...

Настроение у нее было приподнятое, она переживала душевный подъем, словно накануне праздника, к которому готовиться и ждешь.

На самом деле она ждала Рустама — ей хотелось, чтобы они вместе поужинали, а затем перешли в сад и снова сидели у бассейна, не зажигая света, вглядываясь в темное, немножко наводящее на нее страх ночное черное небо, усеянное бесчисленными точками звезд.

Однако гость заставлял себя ждать.

Она попробовала соус для будущего плова — все было как надо.

Включила телевизор. По одному каналу передавали репортаж с Ташавтомаша, шум и сутолока заводского цеха оглушили; Малика уменьшила звук и переключила канал: миловидная девушка-диктор, поводя черными, чуть раскосыми глазами, рассказывала о погоде; по третьему каналу танцовщица в бухарском одеянии кружила по сцене и словно бы пыталась схватить в воздухе руками нечто несуществующее, жеманными и нежными жестами прикрывала глаза, призывала кого-то движениями плеч, изгибом тела, однако этот кто-то к ней не шел, и тогда танцовщица заламывала руки, потом переплетала их змеями и вновь начинала кружить по сцене...

Малика выключила телевизор и опять вышла к воротам, но Рустам (для нее он был Самадом) все не шел.

Чтобы убить время, она попыталась заняться хозяйством, но все валилось из рук. Душа ждала чего-то, и в этом ожидании сейчас была ее жизнь.

Села в шезлонг, нервно перелистывала журнал. Но и это не успокоило. Бросила журнал на ковер, вскочила и начала ходить.

Решила ужинать одна. Вошла на кухню, но, увидев поджаренные в сале мясо, лук и морковь, поняла, что есть не сможет, закрыла казан крышкой и вернулась в спальню. Сняла платье, надела ночную рубашку — подарок Адыла Ниязовича после поездки в Варшаву, сорвала и бросила на кресло китайское покрывало небесного цвета с затейливой вышивкой и упала в постель.

Адыл Ниязович с двумя спутниками сел в аэропорту в «Волгу», присланную для них из академии, и скоро был на своей улице. Попрощался с коллегами, и машина нырнула за поворот.

Посмотрел на небо, на дом — темно, тихо, ночь.

Открыл своим ключом калитку, запер изнутри и направился к веранде.

Адылу Ниязовичу было пятьдесят девять. Выглядел он для своих лет не старым, был строен, весьма представительен и импозантен; под обычно нахмуренными бровями серые пронизательные глаза смотрели строго и серьезно, отчего его собеседники нередко начинали сомневаться в том, что говорят. Крупные и четкие черты лица, резко очерченные губы свидетельствовали об уверенности в себе и воле, возможно, даже упрямстве.

Адыл Ниязович тихо, чтобы не беспокоить Малику, поднялся на веранду, переоделся в домашнее и направился в ванную. Приведя себя в порядок, вошел в спальню.

Малика сладко спала, тончайшая рубашка не могла скрыть беломраморного тела.

Ниязов, опасаясь испугать ее, тихо присел на край постели и с нарастающим волнением вглядывался в спокойное целомудренное лицо Малики, а потом, слегка касаясь губами, стал целовать ее шею у мочки уха, подбородок, краешек губ... Она шевельнула тяжелыми, будто свинцом налитыми руками, положила их на плечи склонившегося к ней Ниязова и легко и беспомощно погладила их.

— Вы пришли?...— спросила она сквозь сон, с трудом шевеля губами.

— Пришел...— ответил Ниязов дрожащим голосом.

— Я так долго ждала...— прошептали губы Малики.— Я же сказала вам, чтобы вернулись пораньше.

— Не получилось... много дел...— невольно подлаживаясь под тон Малики, прошептал Ниязов.

Малика легонько погладила плечи и шею Ниязова, потом волосы, скользнула по лбу, щеке — и словно ее огнем обожгло: резко отдернула руку, распахнула полные ужаса глаза, отвернулась, уткнулась в подушку и окаменела.

— Не бойся, не бойся, это я,— успокаивающе сказал Ниязов и рассмеялся.— Я пришел к тебе.

Она сжалась в комочек и лежала, закрыв глаза.

Ниязов что-то говорил, гладил плечи Малики, утешал ее, потом стал осыпать поцелуями.

Малика лежала, свернувшись клубочком, не отвечала на слова и ласки, только вздрагивала — каждый поцелуй Ниязова был для нее как прикосновение холодной монеты к жаркому телу.

Потом Ниязов лег и притянул беспомощное и бесстрастное тело обмякшей Малики к своей груди...

Через полчаса Малика, лежа на спине и глядя пустыми глазами в потолок, спросила:

— Вы видели того парня? Он уже пришел?

— Что за парень? — забеспокоился Ниязов.

— Товарищ вашего Рустама, приехал на несколько дней раньше него... — тон у нее был безжизненный, деревянный. — Живет здесь три дня, ждет вас. Что-то ему вам надо передать. Спит в комнате Рустама.

— Что же он хочет передать?

— Не знаю, мне не сказал, — ответила Малика равнодушно. — Наверняка ваш сын наказал ему передать вам, чтоб гнали скорее свою новую жену.

— Так он ведь ничего о нас не знает! Не может он такое передавать... — возразил Ниязов, однако в голосе его не было уверенности.

— Почему не может? Знает, наверное, слухи, поди, дошли...

— Ну и я же не обязан отчитываться перед ним.

— Рустамджан — ваш сын. И ему некуда возвращаться, кроме как в этот дом. Нужно было как-то предупредить его, избежать столкновения.

— Уж если на то пошло, Рустам не маленький мальчик, в опеке не нуждается. Если совместная жизнь с нами окажется для него обременительной, может устроиться отдельно.

— Я все же очень боюсь приезда Рустамджана, — вздохнула Малика. — Непременно случится скандал. Может, чтобы не доводить до столкновения, мне лучше уйти?

— Неужели ты думаешь, я не смогу защитить тебя! Уже столько вместе всего перенесли, столько напастей... И вот наконец все успокоилось, стало на свои места — и ты опять боишься!

— Вы уже поправились и окрепли. Скоро вернется ваш сын, сможет вам помогать. А женится он, тогда и невестка будет смотреть за вами. А я теперь могу уходить.

— Я просил тебя быть со мной не только оттого, что ты ухаживала за мной, когда я заболел. Есть причина более

важная, и ты ее знаешь. Если кто и полюбит тебя, то уж не больше моего.

— Может, и так...

— Но ведь ты вышла за меня не только из сострадания? — явно нервничая, спросил Ниязов.

— И из сострадания, и уважение тут было, и любовь тоже...

— Ты помнишь, я предупреждал тебя, что впереди у нас много трудностей, помнишь, что ты ответила? Ты сказала: хорошо, я перенесу любые трудности и унижения, без вас я жить не могу, как оставлю вас одного?..

— Я и сейчас могу это повторить, — спокойно ответила Малика. — В моих словах не было неискренности.

Ниязов не выдержал, в сердцах поднялся, стал перед ней:

— Тогда что означают все эти разговоры, что означает желание уйти отсюда?

— Видно, с меня достаточно уже тех обид и оскорблений, через которые пришлось пройти. Устала я. Если сейчас, с приездом вашего сына, мне опять придется пережить унижение, боюсь, у меня уже не хватит сил бороться.

— Какая еще борьба, о чем ты! — твердо перебил Ниязов. — Предоставь все мне, я сам все улажу.

Ниязов понимал и оправдывал чувства и опасения Малики. За свои двадцать четыре года она успела хлебнуть горя.

Когда Малика вспоминала свою жизнь, она не могла выделить ни одного спокойного, безмятежного года. Только четыре месяца с Лазизом были счастьем, но и они окончились быстро и страшно.

Во время войны, в сорок третьем, мать подбросила ее, новорожденную, на порог роддома в квартале Гулистан. Акушерки подобрали сверточек, выходили. Потом Малика попала в детский дом; с ним вместе, возвращавшимся из эвакуации, оказалась сначала в Киеве, затем в Минске. В этих скитаниях и мытарствах девушка не растерялась — у нее был природный ум; она училась в ФЗУ, работала на стройке, окончила вечернюю десятилетку. Потянуло в родные места — она возвратилась в Ташкент. Поступила на филфак университета. Студенткой познакомилась с Лазизом, молодым парнем, летчиком, а на последнем курсе вышла за него замуж. Но судьба пожалела ей счастья: через два месяца Лазиз погиб, разбился; Малика даже не смогла увидеть его перед похоронами. Тогда, потрясенная, она дала себе слово больше не выходить замуж и все свое

время отдала науке. Окончила университет, поступила в аспирантуру — Ниязов был ее руководителем. Тогда она стала интересоваться искусством, музыкой, посещала симфонические концерты, бывала в музеях, на выставках, занялась языками. Лингвистика стала ее специальностью. Ниязов своими знаниями и эрудицией, отцовской заботливостью и сильным, немелочным характером обворожил девушку.

У Ниязова умерла жена. Сам он заболел после этого, и дело кончилось инсультом. Профессор не вставал с постели, а Малика со своей подругой по имени Севар, тоже аспиранткой, по очереди навещали его и ухаживали как могли. Постепенно Ниязов стал поправляться, почувствовал себя лучше. Вскоре Севар заметила, что отношения между ученым и Маликой изменились, и перестала приходить. Может быть, даже она сама и развонила из обычной бабьей зависти, а может, и кто другой, — заинтересовалась общественность, Малику начали обливать грязью, поминая дом, автомобиль и прочие жизненные блага, связанные с именем Ниязова. Подруги отвернулись от Малики, в институте с ней не здоровались. Однако никакие нападки, злость и зависть не смогли разрушить союз Ниязова и Малики.

Когда профессор предложил ей узаконить их отношения в загсе, она то ли из стеснительности, то ли чтобы еще раз доказать себе самой, что она не хочет иметь отношения к имуществу Ниязова, отказалась. Сказала профессору, что согласна быть его женой, но с загсом попросила подождать.

И вот уже полгода она жила в доме Ниязова как хозяйка. Профессора вполне можно было назвать мужем, он стоил того, — и все же...

Порой, когда она видела его немолодое тело, складки и морщины, она, не отдавая себе в этом отчета, сторонилась его. Не то чтобы стыдилась или сожалела в выборе, нет, но какой-то холодок пробегал. И невольно замечала здоровых, крепких и статных парней вроде Рустама (для нее он все еще оставался Самадом), и тогда в душе ее творилось что-то непонятное.

Ниязов несколько раз принимался за письмо к сыну с желанием объяснить перемены в своей жизни и в их общем доме, но так и не решился на объяснение — любые слова казались ему малоубедительными, а значит, и недостойными. Он обещал себе, что напишет завтра, послезавтра... Потом он решил: пусть сын вернется, тогда он

и поговорит с ним как мужчина с женщиной. Старался держаться бодро, беззаботно, но где-то в уголке сознания притаилась тревога — он побаивался встречи с Рустамом. Профессора, честно говоря, даже больше, видимо, устроило бы, если б Рустам женился и остался жить в Ленинграде. Его страшила мысль, что Рустам придет и, увидев в постели своей матери молодую женщину, поднимет скандал. Жизнь Ниязова все эти месяцы, когда Малика стала хозяйкой в его доме, была спокойна и радостна, и, если б его вдруг лишили этого спокойствия и радости, он бы считал, что его лишили жизни.

15

Малика встала рано, приготовила завтрак, полила двор, собрала черешню. Причесалась.

Приоткрыла дверь комнаты, где спал Рустам, позвала тихонько:

— Самад-ака...

Рустам проснулся, повернулся на постели лицом к девушке.

— Сабох-ан-нур! — Малика постаралась улыбнуться, тон ее выдавал нетерпение. Невольно шагнула в комнату.

— Сабох-ан-нур! — Рустам улыбнулся в ответ, просыпаясь. Потянулся, заложил руки за голову.

Малика глянула на бугры мышц, на голые плечи парня и слегка покраснела.

— Ах вы, бродяга, — с печальной улыбкой укорила она. — Что ж это вы до полуночи носа в дом не кажете? Признавайтесь честно, когда пришли?

— На рассвете... — теперь в свою очередь смутился Рустам.

— Ну ладно, хватит валяться! Вернулся хозяин дома, которого вы так ждете! — уже суше произнесла Малика, отходя к двери. — Одевайтесь. Домулла сейчас бреется. Скоро он выйдет. Сможете передать ему то, что собирались.

Когда Рустам вышел в гостиную, он услышал в спальне жужжанье электробритвы, невнятные голоса.

Наконец у порога появился отец, за его плечом стояла Малика.

Увидев сына, Ниязов опешил. На его лице были и радость, и тревога.

Рустам рассмеялся, поднялся с кресла.

Профессор быстро оглянулся на Малику:

— Да это же Рустам!

Отец и сын обнялись, расцеловались.

Рустам поверх плеча отца глянул на побледневшую, застывшую в дверях Малику и подмигнул ей.

Малика не знала, что делать. В ее сердце боролись противоречивые чувства, в растерянности она не могла решить, оставаться ли ей в гостиной или же уйти.

— Вон ты какой стал!— Ниязов, держа Рустама за плечи, откровенно любовался им.— Повзрослел. Хотя это, наверное, из-за бороды.

— А вы помолодели, отец! — Рустам снова перевел взгляд на Малику, она вспыхнула и скрылась в спальне.

— Вон ты какой!..— повторил профессор, не обращая внимания на ироническую нотку в словах Рустама. Он до того разволновался, что не находил иных слов и выражений.— Вон ты какой!..— Видимо, почувствовав себя неловко, бодрым голосом позвал:— Малика!

Малика вышла из спальни, с жалкой улыбкой остановилась в двух шагах от профессора. Замерла, покорно склонив голову.

— Это же Рустам! — смеясь, сказал ей профессор.— А ты и не узнала? Видела ведь фотографии!

— Там он был без бороды... И моложе...— тихо ответила Малика.

— Да, конечно...— Стараясь побороть замешательство, Ниязов заговорил громко и весело: — Да я и сам с трудом узнал его! — Тронул Малику за плечо: — Ну что ж, в таком случае знакомьтесь заново!

Малика, подчиняясь требованию профессора, протянула руку, и Рустам крепко пожал ее. Смотрела она печально, с укоризной.

— Да, вот оно как неожиданно получилось,— с подчеркнутой радостью говорил Ниязов. Потер ладони и, словно закончив на этом официальную церемонию встречи и представления, весело распорядился: — Ну-ка, Малика, если готов плов, подавай скорее. Сегодня суббота, все мы дома, спешить нам некуда.

За завтраком Малика и Рустам молчали. Ниязов с подробностями рассказывал о поездке и совещании, о научных новостях. Он явно не хотел, чтобы в беседе затрагивались какие-либо опасные темы. Видя же погрузневшее лицо Рустама, понимал, что сын в душе упрекает его, и потому особенно старался развеять дурные мысли Рустама, рассмешить, привести в хорошее настроение.

Рустам, в свою очередь, хоть и чувствовал беспокойство отца, но делал вид, что ни о чем не догадывается и целиком занят своими мыслями и заботами.

Закончив рассказывать о совещании, профессор принялся расспрашивать сына о его последних картинах, о планах и замыслах, похвалил репродукцию в журнале и под конец заявил — он доволен тем, что Рустам отыскал свою дорогу, он гордится сыном...

В таких разговорах прошло полдня.

Солнце жгло сквозь открытые окна гостиной, — профессор и Рустам перешли к бассейну, собрались купаться. Малика, объявив, что ей надо за покупками, удалась — понимала, что отцу и сыну предстоит объяснение.

Ниязов, оставшись в японских нейлоновых плавках, осторожно спустился в воду по цементным ступенькам и поплыл. Искупавшись, поднялся наверх, набросил на плечи полотенце и сел на скамеечку.

Рустам нырнул, но, даже когда плыл под водой, неотвязная мысль не оставляла его: «Малика, оказывается, новая жена. Как я должен вести себя теперь? Пойти на скандал? Но это значит не пожалеть отца... у него слабое сердце. Тешится, радуется... мне-то что... Но Малика — как она согласилась?.. Что это с ее стороны? Да, как мне быть — вот задачка!

Он вылез из воды и уселся на краю бассейна, закурил.

Отец на скамейке, с полотенцем на шее, походил на боксера. Отбивал рукой какой-то игривый ритм.

«Бедная мама... — подумал Рустам. — Кто бы мог предположить. Всего через год... Сколько самодовольства, какая удовлетворенность — будто только сейчас и познал радость жизни. Хотя на его месте, да еще оправившись от болезни, каждый бы, наверное, так... За умершими ведь никто не торопится. Только вместо Малики могла бы оказаться другая, постарше. Конечно, раз она по своей воле пошла — чего уж их судить... Да и все равно кто-то ведь должен смотреть за пожилым человеком — готовить, следить за здоровьем. Я, конечно, не могу в таком деле сравниться с женщиной...»

«Пожилый человек...» Рустам поймал себя на том, что даже в мыслях не назвал отца отцом. Словно со смертью мамы и появлением здесь Малики оборвались все родственные связи. «Да, отец стал чужим, оттого и разговор никак не клеится. Конечно, и Малика подпортила... сказала бы все сразу — я бы к возвращению отца уже свыкся,

успокоился. А теперь я буду спать у себя, а за стеной — она с отцом... О господи!..»

— Рустам! — нарушив течение его мыслей, обратился к нему отец. — Время идет. До каких пор будешь жить один? Пора бы подумать и о семье. Годы быстро летят, не опоздай.

— К чему мне торопиться? — Рустам не сдержался, ответил язвительно: — Дождусь вашего возраста. (Отец промолчал.) Теперешние девушки что-то не обращают внимания на молодых, видно, молодые их не удовлетворяют.

«Началось», — подумал профессор с горечью. Сразу напомнило о себе сердце. Он с упреком глянул на Рустама.

— Не торопись судить меня, сын. На моем месте, я думаю, каждый сделал бы то же.

— Жаль только, что на свадьбу меня не позвали, — желчно продолжил Рустам. — Я бы и товарищей пригласил.

— О какой свадьбе ты говоришь, сынок?.. — с обидой, не принимая тона Рустама, сказал Ниязов. — В моем-то возрасте — какая свадьба? Нелепо!

— А жениться на своей ученице, молоденькой девушке, не дождавшись и года после смерти жены, — это как? Не нелепо?

— Когда человека вынуждает необходимость, выбирать не приходится.

— Да, прежде вы рассуждали иначе, отец. Ваши взгляды обновились — так сказать, помолодели. Вижу в этом положительное влияние молодой супруги.

— Ну что ж, упрекай, упрекай меня, Рустам! — Ниязов отвечал уже сердито. — Упрекай, да не забывай, кто из нас отец, а кто сын. Пока еще я не давал тебе права говорить со мной таким тоном. За свои поступки я отвечаю перед своей совестью и не желаю, чтобы кто-нибудь вмешивался в мою личную жизнь! Даже родной сын!..

— Я и не собираюсь вмешиваться, — сдерживая себя, ответил Рустам. — Но именно как сын я стыжусь ваших... несерьезных поступков, стыжусь перед людьми. Ведь это... — Рустам подыскивал слова, чтобы сказать свое, но не оскорбить отца. — Это — неестественно. Это, наконец, безнравственно! Человек, имеющий уже внука, женится на молодой девушке!

— Когда я лежал и умирал, ты приехал, ты подал мне пиалу с водой? Или, может, твоя сестра приехала? Только бедная Малика и была со мной — ночей не спала, выхажив-

вала меня. Можно сказать, она меня и поставила на ноги. Я этого не могу забыть и никогда не забуду. Так и знай! — голос профессора был тверд. — И потом... это тебе тоже надо знать: мы с ней жить не можем друг без друга, она меня любит, и я ее тоже.

— В вашем-то возрасте — и такие слова. Не смешно, а?

— Ты мне в свои тридцать лет кажешься стариком. Так что когда проживешь с мое и вдруг скажешь такие слова — может, и будет смешно. Любовь не выбирает возраста. На каком основании ты хочешь лишиться меня права любить? Да, я уже немолод — но способен на более высокую любовь, чем вы, молодые.

— Может быть, это и так, отец, не спорю. Но ведь вы разумный человек, неужели не задумались — быть может, девушка заинтересована... Все-таки дом, машина, деньги, поездки — неплохая приманка, разве нет?

— Если бы Малика думала обо всем этом, как ты говоришь, она потребовала бы, чтобы мы зарегистрировались. А она, к твоему сведению, отказалась.

— Хорошо, пусть так. Но когда вы заболели — почему не дали мне знать? Самолетом — всего пять часов. Я бы на другой же день был здесь. Но вы не захотели, вы боялись. Боялись, что я спугну молодую жену.

— Напрасно ты так. Между нами в то время не было никаких отношений.

— Я не вижу логики. Почему мы, ваши дети, не узнали от вас ни о вашей болезни, ни о женитьбе? Вы говорите, что она подняла вас на ноги — вас, известного ученого, академика, оставленного без помощи и государством, и нами, детьми, — так получается? Все это не вызывает доверия. Думаю, намерения ваши мне ясны — после смерти матери пожить всласть, весело, потому и скрыли все от меня с сестрой.

— Я прожил с твоей матерью немногим меньше сорока лет! — Ниязов заговорил повышенным тоном. — И твоя мать ни разу не усомнилась в моей порядочности!

— Вот как! А вы не помните, как я восьмилетним мальчишкой убежал из дома и меня только через неделю нашли с милицией? Вы, наверное, до сих пор не знаете, почему я тогда сбежал. А дело в том, что я, возвращаясь из школы, увидел вас в окне Розии Алимовой, вы с ней стояли обнявшись. Я потом чуть не год швырял камни ей в окно, бил стекла. Так что не притворяйтесь ангелом!

— Довольно! Все мы не ангелы, если уж на то по-

шло, — сердито ответил Ниязов. — Я больше не желаю обсуждать этот вопрос, хватит! Если ты считаешь меня отцом, я требую, чтобы на эту тему больше ни слова. И еще... Если в твоём сердце есть хоть капля уважения ко мне, прошу тебя, не тревожь Малику, веди себя корректно. Она ни в чём не виновата. — Профессор поднялся, показывая, что считает разговор оконченным.

— Ладно... — сдерживаясь, но все же зло бросил Рустам. — Одно только хочу добавить. Материну кровать...

— Хорошо, вынесем её в твою комнату.

— Нет, пусть остаётся, где стоит.

Ниязов кивнул и ушел.

Рустам смотрел ему вслед и уже жалел, что затеял этот разговор, унижительный для обоих. «Изменить уже ничего нельзя, только отца обидел да и сам разнервничался. Отец теперь не забудет оскорбления... как бы не заболел... В конце-то концов, почему он должен прожить остаток жизни в одиночестве, пусть будут хоть какие-то радости... И мне самому от этого будет только легче...»

И как ему теперь держаться с Маликой? Кто она для него — мачеха? Друг или... нет! Третьего не должно быть, не может быть! В первом случае нужно держаться подальше, во втором — можно сделаться единомышленниками, дружить.

Рустам вытянулся на скамейке и, занятый своими мыслями, не слышал, как подошла Малика. В душе его боролись симпатия и уважение к девушке, с одной стороны, и ревность — с другой.

— А ну-ка поднимайтесь!

В памяти Рустама мгновенно воскрес недавний вечер. Тогда она тоже подошла и сказала... Как недавно — и как давно!

— Поднимайтесь! — повторила Малика.

Рустам приоткрыл глаза — она стояла перед ним с тем же, что и в тот раз, одеялом в руках. Он тут же поднялся.

— Зачем вы беспокоите себя? — спросил так, словно ничто не переменялось с минувшего вечера.

Малика не ответила, молча постелила одеяло.

— А где отец?

— Прилег. Пожаловался на сердце.

— Конечно, пусть отдохнет, — ответил Рустам, стараясь, чтобы девушка не могла догадаться о недавней ссоре здесь.

— Я смотрю, у вас тут бутылка с коньяком...

— Потерял свой сон, хочу снова поймать его.

Малика не поняла или сделала вид, что не поняла смысл фразы.

— Почему вы так поступили? Почему обманули меня, скрыли свое настоящее имя?

— Чтобы не испугать вас.

Малика посмотрела испытующе. Она и хотела поверить, и сомневалась.

— Это правда?

— Правда, — искренне ответил Рустам. — А почему вы скрыли от меня, кто вы?

— Чтобы не испугать вас, — девушка улыбнулась.

— Это правда?

— Правда.

Они посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись.

— Все же я напишу ваш портрет. Вы там будете собирать черешню. Так и назову его — «Черешня».

На сердце у Малики потеплело.

Однако Рустам тут же поторопился сделать шаг назад и обозначить их новые, более далекие и прохладные отношения:

— Как же мне теперь вас называть? Буду обращаться к вам «аяча» — маленькая мама. Что вы на это скажете?

Чтобы не показать слез, Малика резко повернулась и убежала в свою комнату.

Рустам снял брезентовый чехол с отцовской «Волги», вымыл машину — она посветлела и заблестела.

Вчера Ульфат попросила, чтобы Рустам свозил ее на кладбище, на могилу его матери, и теперь она с цветами в руках ждала его у литературного музея.

Рустам усадил ее рядом с собой и направил машину в сторону кладбища «Минар».

Подступал вечер. Прохладный ветерок врвался в окошко, играл волосами Ульфат.

— В начале июня, — сказала девушка, — мы отправляемся на гастроли.

— Далеко?

— Казань, Уфа, потом Баку. Два месяца. Говорят, хорошие места — леса, Волга. Может, и ты присоединишься?

Рустам покачал головой:

— Я ведь только что с севера. Теперь думаю податься в какое-нибудь горное селение, поработать там.

— Один поедешь?

— Нет, с отцом и еще одним человеком.

— Кто это?

— Ты его не знаешь.

Рустам затормозил у ворот кладбища.

Вдалеке проворчал гром, край неба обложили черные тучи, подбирались к солнцу. На кладбище потемнело, цветы, камни, ограды словно бы поблекли, деревья выглядели насупившимися и помрачневшими.

Ульфат положила цветы на мраморную плиту надгробья, присела рядом на скамеечку.

Рустам прижался щекой к памятнику и стоял так, стараясь сдержать слезы.

Когда они уже собирались уходить, Рустам сказал девушке:

— Помнишь, я говорил, мальчишкой жил в кишлаке. Хочешь, поедем туда, покажу тебе мою любимую лужайку. Там и напишу твой портрет.

— Конечно, хочу...

16

Иззат стоял у двери на балкон, смотрел на косые струи дождя, на радугу где-то над окраиной города и тихонько шептал рождавшиеся строки стихов. Пальцы его невольно отбивали ритм.

На столе, на пожелтевшей газете, — шахматная доска с фигурами, партия прервана на середине. На подоконнике — блокнот, перечеркнуты стихотворные строфы.

Иззат вспомнил детство, кишлак, родителей. Отец и мать работали в колхозе, он был старшим из восьми детей. Приходилось присматривать за малышами, а если старшие задерживались, то и донить корову.

Однажды он возвращался с мельницы, и его застал такой же ливень. Он укрылся под ишаком, на котором вез муку, и переждал дождь. Вернулся домой с мешком теста.

У отца был добрый характер. Он не стал ругать сына, только и сказал: «Все равно бы матери пришлось делать тесто».

И в том, что Иззата потянуло к поэзии, — тоже заслуга отца. В доме было пять или шесть книг стихов, отец частенько читал их вслух. По этим книгам научился чтению и письму и маленький Иззат. Он помнит, как был счастлив отец, узнав, что его первые стихи поместили в школьной стенгазете. А его самого это, казалось бы, незначительное событие потрясло и навсегда привязало к сочинительству.

Окончив пединститут, Иззат стал работать в сельской школе. Стихи его появлялись в районной, потом областной

газете. Наконец, подборку его стихов дала и республиканская газета. Новое имя вызвало интерес, в редакциях заговорили об Иззате. Его пригласили в Ташкент на семинар молодых поэтов — и здесь его ждал настоящий успех. После семинара редактор республиканской газеты предложил ему пойти работать в редакцию. Однако он вернулся в кишлак — не хотел оставить своих школьников посреди учебного года. Но летом, узнав, что родители собрались сватать ему соседскую девушку, уехал все-таки в Ташкент.

Сейчас у него вышло уже четыре сборника стихов, книги его расходятся быстро, на его выступления собирается молодежь.

Полгода назад был вечер поэзии в университете. Его стихи там читала молоденькая студентка, читала так взволнованно, что Иззат даже поцеловал ей руку. Зал зааплодировал. Девушка покраснела как мак и сбежала со сцены. Это была Шахноз. В ту ночь, взволнованная, она так и не смогла заснуть.

Иззат влюбился с первого взгляда, душа его пела.

Вскоре он получил письмо от группы студентов — они ждали его новые стихи, просили, если можно, прислать. Письмо от имени своих товарищей подписала Шахноз.

Разве мог Иззат доверить свои новые стихи почте! Конечно же он сам отнес их... Шахноз так растерялась, что даже не поблагодарила — убежала.

Иззат не обиделся, нет — сердце его ликовало. После этого новые его стихи первой слышала Шахноз...

И вот теперь он пытался вложить в стихи боль своей души, сказать в них, как он, умеющий найти путь к сердцам тысяч людей, потерял путь к сердцу любимой. Он мучился, не мог найти нужных слов.

В дверь постучали, он не ответил, постучали еще.

— Заходите, — крикнул Иззат, — открыто!

Снова послышались несмелые шаги, затем показался чемодан, мокрый плащ...

Сердце у Иззата замерло.

У двери стояла Шахноз. Смущенно улыбалась, пряди каштановых волос прилипли к мокрой щеке, с плаща капало...

— Не прогонишь?

Горячая волна окатила Иззата, захлестнула, наполнила сердце, подступила к горлу — он хотел сказать и не мог. Тогда тихонько пошел навстречу девушке.

Она поставила чемодан на пол, шагнула к Иззату и опустила голову ему на грудь.

Рустам сидел, опираясь спиной о ствол чинары, на тихой улочке кишлака, ребяташки обступили его полукругом. На страничках его альбома один за другим появлялись наброски. Он отвечал на вопросы кишлачной детворы, объяснял и спрашивал сам.

По другую сторону улочки тянулась невысокая стена, сложенная из камней, за ней — плоские крыши, дворики, над ними, подобно восклицательным знакам, вздымались к небу могучие тополя. За его спиной посверкивал под солнцем горный ручей — сай, разбивался о глыбы валунов.

Мальчишки сопели от напряжения, шмыгали носами, глаз не могли оторвать от альбома, подталкивали друг друга, выражая восторг.

— Твой отец идет,— сказал один из мальчишек товарищу, заглядевшемуся на работу Рустама.

Рустам поднял голову: по улице устало шел человек лет пятидесяти, не брившийся, наверное, с неделю и оттого выглядевший стариком, нес за плечами вязанку дров; человек вел за собой черную корову — на боку метка, намазано глиной; корова двигалась лениво, прикрывала веки.

Дальше по улице показалось стадо коз и баранов, слышались зовущие женские голоса, крики детей.

Только сейчас Рустам ощутил, что наступил вечер. Он закрыл альбом, собрал вещи. Попрощался с ребяташками и по тропинке начал спускаться к саю.

Горное селение, близ которого остановились Рустам и его спутники, звалось красивым именем Гулистан (Страна роз), а прежде было известно как Мазар-кишлак (селение у кладбища). Дома и сады тянулись по обе стороны сая километра на три. В этом закрытом горами месте поздно светало и рано темнело, а со стороны снеговых вершин, вдоль ущелья, пробитого за века саем, дул прохладный ветерок. И весна здесь была поздняя, рано приходила осень. Когда в Ташкенте у плода урючины уже темнела косточка, здесь только начиналось цветение. И если пожелаешь, можно было увидеть одну за другой две весны: сначала в Ташкенте, потом здесь. В этих местах мгновенно могла налететь туча с дождем и так же быстро могло вновь засиять солнце.

Рустам с отцом выбрали место в двух километрах от кишлака, выше по ущелью. Лужайка, тянувшаяся от склона горы вниз к саю, оставалась зеленой и свежей все

лето, трава тут была не пожухлая от жары, плакучие ивы хранили прохладу и отдавали ее путнику, непрерывный шум проносающейся воды сначала утомлял, но потом становился привычным и даже необходимым, как песня этого зеленого уголка.

Ниязов, тепло одетый, сидел с удочкой на берегу у водоворота, Малика готовила ужин на переносной газовой плитке.

Рядом с «Волгой» был приготовлен раскладной столик. На скатерти появились тарелочки с помидорами и огурцами, зелень. Три раскладных алюминиевых стула ждали своих хозяев. Тихонько наигрывал транзистор, на плите шипела сковорода.

— Добрый вечер!

Малика обернулась, лицо ее осветила улыбка:

— Добрый вечер!

Рустам — руки его были заняты — выставил вперед левое плечо, глазами указал на кармашек своей рубашки:

— Берите, это вам!

Малика наклонилась, посмотрела. Кармашек был набит зелеными еще плодами урючины.

— Спасибо! — Малика засмеялась и полезла пальцами в кармашек, выуживая зеленые урючины, собирая на ладонь.— Вы и завтра хотите бродить где-то до самого вечера?

— Для того и приехал сюда. А что у нас на ужин?

— Форель! Ваш отец наловил.

Рустам открыл дверцу «Волги» (он спал в машине), разделся, взял полотенце и спустился к саю.

Отец собирал удочки.

— Как рыбалка?

— Сегодня уже больше ничего не будет. Пойдем ужинать.

Пока они лакомились форелью, солнце зашло за гору и быстро стемнело.

Профессор устроился в палатке, включил лампу, пивавшуюся от аккумулятора, и взялся за чтение.

Малика мыла посуду.

Рустам оделся потеплее, прихватил одеяло и, спустившись к саю, устроился на большом валуне, еще хранившем дневное тепло.

Шумел ручей, торопясь вниз, к долине, издали донесся крик совы. Огонек сигареты Рустама вспыхивал и исчезал в темноте, как крохотный маячок над волнами.

Потом Рустам завернулся в одеяло, устроился у валуна

поудобнее. На сердце он чувствовал пустоту. Мешались обрывки мыслей. Увидел мать, потом представился отец, Малика, смеющаяся Ульфат. Рустам кружился безвольной щепкой в водовороте воспоминаний. Он засыпал...

Наутро он поднялся чуть свет и, пока Малика с отцом еще спали, отправился с этюдником вверх по ущелью, видя перед собой, казалось бы, и недалекие, но недостижимые снеговые вершины.

Возвратился он к обеду.

Отец сидел на валуне с газетой, иногда взглядывал на заброшенную удочку. Малика устроилась поодаль, чтобы не мешать ловле,— положила на два валуна в потоке досточку и сидела на ней, болтала в воде ногами. На ней ничего не было, кроме голубого купальничка.

— Есть хотите? — крикнула Малика, радуясь его возвращению.

— Сначала искупаюсь.

Рустам разделся и вошел в воду.

Течение было стремительное, песок и мелкие камушки, сдвинутые ногой, уносило мгновенно. Приходилось ступать осторожно: поскользнешься — того и гляди, собьет с ног.

Малика, прыгая с валуна на валун, перебралась поближе, протянула руку — Рустам ухватился, поднялся на камень. Было тесно, они невольно соприкасались.

Не отпуская руки Рустама, Малика осторожно спустилась в воду, легла на дно и с удовольствием бултыхала ногами.

Профессор глядел на них с любовью — радовался их дружбе, тому, что не ревнуют друг друга.

Малика выбежала из ледяной воды, от которой кочене-ло тело; унимая дрожь, набросила на плечи полотенце и села рядом с профессором.

Рустам отвернулся.

Когда они все вместе пообедали, Рустам снова стал собираться.

— Опять вы уходите, — недовольно сказала Малика. — Куда же теперь?

— Во-он на ту гору, — показал Рустам.

— Я тоже пойду, мне наскучило сидеть на одном месте. — Она посмотрела на профессора: — Хорошо?

— Конечно, иди, — разрешил профессор.

— И вы с нами! Посмотрим на ущелье с высоты! — предложила Малика.

Ниязов, конечно, не прочь бы был отправиться с молодыми, но приходилось помнить о сердце. Не идти, а тащиться, тяжело дыша и сопя...

— Нет уж, — сказал он Малике, — идите одни. А для меня лучше рыбалки нет ничего. Успокаивает нервы. А потом я подремлю в палатке.

Когда Рустам и Малика, порядком утомившиеся, поднялись к ближней вершине, открылся следующий склон и другая вершина — более высокая.

— Уф, до чего же я устала! — Малика присела на камень и глянула назад, вниз, где блестел серебряной лентой поток, где под лучами солнца дремали среди зелени садов дома в кишлаке. — Как хорошо! Только у меня от высоты дух захватывает. Почему вы не напишете все это?

Рустам лишь пожал плечами.

— А вы ходили на выставку, о которой я вам сказала?..

— Ходил.

— Ну и как, понравилось?

— Неплохо.

— Может, я не до конца понимаю... Но мне картины этого художника показались слишком уж статичными. Фигуры застывшие, нет динамики — как будто мгновенный фотоснимок...

— Динамика может быть не только внешняя, но и внутренняя, это труднее выразить, но тут получилось...

Пока они разговаривали, небо над ущельем затянули облака, пейзаж внизу потускнел, виделся теперь словно бы сквозь кисею.

— Если вы утомились, отдохните здесь и возвращайтесь, а я пошел... — Рустам поднял этюдник и быстро зашагал по склону.

— Это как же? Вы меня оставляете одну? — Малика вскочила с камня и бросилась следом за Рустамом. Почти добежала — и споткнулась, упала.

Рустам услышал, как она вскрикнула, оглянулся.

Девушка, морщась от боли, держалась за ушибленное колено и с обидой смотрела на Рустама. Он остановился в нерешительности.

— Видите, что получается, если вы бросаете меня!

Рустам поспешил к ней. Присел на корточки, осмотрел ушибленное колено. Открыл этюдник, достал пузырек со спиртом, осторожно смочил ссадину — девушка сморщилась и застонала от жгучей боли.

Потом Рустам, не спрашивая разрешения Малики, снял с ее головы косынку и, чуть приподняв подол ее платья, перевязал ей колено.

Каждый раз, когда его рука касалась ее колена, у него замирало сердце. А сама Малика, очень спокойно подчиняясь его воле, опустив взгляд, казалось, внимательно следила за его движениями — как он по-мальчишески серьезно ухаживал за ней, — и в сердце ее проснулось и тихо, но настойчиво нашептывало о себе желание приласкать его.

Перевязав колено, Рустам помог девушке подняться.

— Придется вам спуститься вниз. — Категоричностью тона он пытался скрыть смущение и желание остаться с ней. — Вы не сможете подниматься...

— Нет, смогу! — не уступала Малика. — Женщины народ живучий.

— Хорошо, тогда вперед! — неожиданно легко согласился Рустам и направился дальше по склону, не ожидая Малики.

Она захромала следом, потом разошлась — и уже не отставала. Она сердилась на Рустама, что не поджидает ее, и угадывала, что он старается побороть себя, подчиниться разуму — и не может. И это еще больше влекло сейчас ее к нему. Его дерзость, почти грубость — все это проявление слабости перед влечением к ней, она понимала, и что-то в ней стремилось навстречу, и она торопливо шла, почти бежала за ним.

Между тем, как это бывает в горах, погода быстро менялась: над ущельем вдруг взгромозились тучи, вокруг потемнело. Упали первые капли дождя.

Рустам остановился, подставил ладонь. Капли посыпались чаще, дождь превратился в ливень. Подняв над головой этюдник, как зонт, Рустам вернулся к Малике, — она уже вымокла насквозь, платье прилипло к телу, по лбу и щекам сбегали струйки воды.

— Прячьтесь скорее! — Рустам знаком показал, чтобы девушка тоже стала под этюдник, освободил для нее место.

И девушка прислонилась виском к его щеке.

Ветер и дождь хлестали их.

Малика дрожала как в ознобе: она придвинулась ближе к Рустаму. Он держал над головой вовсе не защищавший их этюдник, и струи дождя не в силах были остудить сухой жар, сжигавший сейчас его тело. Какие-то мгновения они стояли так, остро ощущая тягу друг к другу. Потом Малика испугалась — отпрянула, резко повернулась и бросилась по склону вниз, в сторону палатки.

Мокрые волосы хлестали по плечам, ливень гнал ее — она, видно, ничего не замечала, мчалась, не разбирая дороги, там, где недавно поднималась с осторожностью.

Рустам застыл на месте, молча смотрел ей вслед. Она упала, поскользнувшись, поднялась, побежала дальше — он не бросился к ней.

Небо постепенно светлело, ливень сменился мелким дождичком.

Рустам очнулся наконец и, скользя и спотыкаясь, отправился в ту же сторону, куда побежала Малика, вниз по склону.

Из палатки навстречу ему выглянул отец:

— И ты тоже до ниточки? Переодевайся скорее.

Рустам что-то пробормотал в ответ, залез в машину и там прежде всего закурил.

Быстро распогодилось, потеплело. Умытый дождем склон сверкал под солнцем.

Отец сказал Рустаму:

— Малика, похоже, простудилась, не встает. На ужин просто поьем чаю.

Принес из палатки термос, хлеб, масло. В машине молча перекусили — каждый был занят своими мыслями.

Потом отец забрал термос и ушел в палатку, а Рустам включил транзистор и под какую-то грустную мелодию размышлял о том, что произошло и что могло произойти. На душе было тревожно, как будто еще должно было случиться что-то неприятное. Незаметно он задремал.

Проснулся оттого, что снаружи настойчиво постучали в окошко.

Уже было темно, светил месяц, снизу слышался рев разбухшей речки.

— Где она? — спросил Ниязов, когда Рустам открыл дверцу машины.

— Кто?

— Малика!

— Откуда мне знать?

Ниязов только вздохнул. Потом сказал зло и беспомощно:

— Пропала... исчезла... Два часа, как ушла из палатки.

Они на машине спустились к кишлаку — ни на дороге, ни в селении Малики не было.

Наутро собрали палатку и вернулись в город.

Ниязов бегом поднялся на веранду — тишина, в доме пусто. Он обошел все комнаты, вернулся в гостиную растерянный.

Рустам взглядом показал ему на листок, оставленный на столе, рядом с вазой. Отошел к окну и закурил.

Ниязов со страхом взял листок, поднес к глазам. Да, он предчувствовал. Несколько слов... «У меня не было выбора, я не могу оставаться в вашем доме. Прошу вас, не ищите меня. Будьте благополучны...»

Рука бессильно опустилась, листок лег на стол.

Ниязов молча ушел в спальню.

Рустам, чувствуя себя виноватым, хотя и не отдавая себе отчета, в чем именно, с ощущением пустоты в душе смотрел в окно, но видел не радостную зелень сада и сверкающее голубое небо, а легкую стремительную походку Малики, ее ладные, грациозные движения, ее глаза, иногда печальные, но чаще сияющие, слышал ее сочный, звонкий смех и понимал, что из дома вновь ушли тепло и радость,— все здесь казалось теперь холодным и ненастоящим...

Несколько дней Рустам работал, не выходя из дома. Он писал портрет Малики. Он писал ее такой, какой запомнил в последний день на реке: она прыгает с валуна на валун и словно застыла в полете, руки раскинуты, брызги сверкают на солнце радужным вихрем — весь облик девушки излучает счастье, молодое здоровье и радость бытия.

Картину Рустам назвал «Молодость».

Но душа его не успокоилась на этом. Досада, вина, чувство потери томили сердце.

Наконец он сообразил, что ему делать. Быстро оделся, схватил этюдник. Заехал за Ульфат:

— Собирайся, съездим в кишлак!

— Но я не могу сейчас! Я сегодня занята в спектакле!

— Ты же сама хотела!

— Ну так надо же было сказать заранее, я бы отпросилась... Ведь надо еще договориться о замене, ты же знаешь!

Рустам не стал настаивать, поехал один.

В кишлаке лишь поздоровался с женой дяди, раздал подарки ребятишкам и, отказавшись от чая, поспешил туда, куда и стремился,— к дорогому сердцу уголку: не терпелось увидеть свою лужайку, где играл мальчишкой со сверстниками, он ждал встречи с ней как с дорогим суще-

ством, разлука с которым непереносима. Там он излечится от сердечной боли, там найдет успокоение!

Вот сейчас, еще немного... Сейчас он напьется из родника своего детства, ляжет на чистую свежую траву, наглядится на высокие белые облака...

Вот уже ивы видны... Поредели, пожалуй? Но в детстве ведь все кажется большим!

Рустам перевел дыхание. Можно и не бежать, он уже рядом.

Лужайка ждет его.

Но чем ближе он подходил, тем отчетливее тревога возникала в сердце: места, бывшие когда-то родными, он не узнавал. Он не верил глазам. Где же его лужайка, свидетель мальчишеских игр, чистых радостей детства, где зеленая трава, россыпи цветов?

Рустам замедлил шаги, потом остановился.

Вместо лужайки перед ним лежало распаханное поле. Ивы почти все выкорчевали. Вокруг родника осталось лишь несколько тоненьких деревьев: родник, словно он мешал чем-то раскинувшейся вокруг пашне, булькал виновато и сиротливо и словно старался сделаться незаметным.